

Макс Вебер в Америке: к истории доклада на конгрессе в Сент-Луисе

Тимофей Дмитриев

Кандидат философских наук, доцент, факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: tdmitriev@hse.ru

Статья посвящена контексту появления доклада Макса Вебера на Международном конгрессе искусств и наук в Сент-Луисе в сентябре 1904 года, а также основным положениям, представленным в данном докладе. Рассматриваются взгляды Вебера на динамику общественных изменений, которые принимают форму сравнительно-исторической социологии европейского и американского модерна. В первой части статьи освещается предыстория поездки Макса Вебера и его супруги Марианны Вебер в США и ее наиболее значительные эпизоды. Вторая часть статьи посвящена рассмотрению основных положений доклада Вебера в Сент-Луисе. В третьей части исследуются наблюдения и выводы по поводу специфики различных сторон жизни американского модерна, сделанные Вебером на основе его непосредственного знакомства с жизнью Соединенных Штатов. В заключении дается краткий анализ вклада, внесенного Максом Вебером в развитие представлений исторической социологии о характере и траекториях развития модерна на Западе.

Ключевые слова: аграрный строй, традиция, капитализм, модерн, рационализм, европеизация, американизация, сравнительно-историческая социология, Макс Вебер

Разве наша страна — не безграничное поле для
многозначительных сравнений?

Уолт Уитмен. «Американская национальная
литература. Существует ли она и может ли
вообще существовать?» (1891)

Предлагаемый вниманию читателя ниже перевод представляет собой текст доклада Макса Вебера на Международном конгрессе искусств и науки («Congress of Arts and Science») в Сент-Луисе (штат Миссури, США) в сентябре 1904 года. С самого начала необходимо отметить, что мы работали не с оригиналом, а с переводом на английский язык, осуществленным профессором Чикагского университета Чарльзом У. Зайденаделем (Charles W. Seidenadel) и опубликованным в трудах конгресса (Weber, 1906: 725–746). Исходный немецкий оригинал текста, носивший название «Об аграрных отношениях Германии в прошлом и настоящем» («Deutsche Agrar-

verhältnisse in Vergangenheit und Gegenwart»), не сохранился¹. Сегодня мы располагаем уточненным английским вариантом, сделанным исследователем Питером Гошем и опубликованным в 2005 году в журнале «История европейских идей» (Ghosh, 2005a: 327–366), поэтому нами была учтена также и эта публикация², чье достоинство в том, что ее автор произвел сплошную сверку английских языковых выражений, использованных при переводе, и сопоставил их с понятийным языком самого Вебера, прежде всего периода 1890–1905 гг.³

Доклад Вебера на международном конгрессе наук и искусств стал его первым публичным выступлением после психологического кризиса конца 1890-х годов, а сама поездка на конгресс дала ему уникальную возможность совершить двух с половиной месячное путешествие по Соединенным Штатам, которое, по оценке Вольфганга Моммзена, имело «поворотное значение для развития его социальной и политической мысли» (Mommesen, 2000: 103).

Необходимостью введения в оборот русской вебероведческой терминологии и, как сможет убедиться отечественный читатель, концептуально и исторически значимого текста Макса Вебера, относящегося к периоду его работы над темой вклада протестантской этики в возникновение современного промышленного капитализма на Западе, были продиктованы и те задачи, которые решаются во вступительной статье к публикации.

В первой части вступительной статьи мы вкратце опишем предысторию поездки Макса Вебера и его супруги Марианны в США и наиболее значительные эпизоды их путешествия, во второй — рассмотрим основные положения доклада Вебера об «аграрном обществе» (rural society), которые принимают у него форму сравнительно-исторической социологии европейского и американского модерна, а в заключительной, третьей части — остановимся на некоторых вынесенных им из непосредственного знакомства с жизнью Соединенных Штатов наблюдениях и выводах, оказавших существенное влияние на развитие его социологических и исторических представлений о характере и траекториях развития мира модерна на Западе.

---

1. Попытки разыскать немецкий оригинал доклада Вебера в архиве Чикагского университета, предпринятые в начале 1980-х гг. известным вебероведом Вольфгангом Моммзеном, не увенчались успехом (MWG I/8: 211).

2. Об этом полном академическом издании сочинений, писем и лекций М. Вебера см.: <https://www.mohrsiebeck.com/mehrbaendiges-werk/max-weber-gesamtausgabe-mwg-323700000>.

3. Как отмечают издатели академического собрания сочинений Макса Вебера в редакционной статье к публикации перевода доклада, «этот текст содержит многочисленные ошибки и искажения, которые следует приписать отсутствию соответствующих языковых и профессиональных компетенций у переводчика» (MWG I/8: 211). Об этом же подробно пишет Питер Гош в своей обстоятельной статье, посвященной докладу Вебера в Сент-Луисе: Ghosh, 2005b: 367–369.

Путешествие четы Веберов по Америке

Летом 1903 года в Гейдельберге Вебера навеситил его коллега, немецкий философ и психолог Гуго Мюнстерберг (Hugo Münsterberg, 1863–1916)⁴. Мюнстерберг, чья академическая карьера в Германии не задалась, сумел перебраться за океан и с большим успехом преподавал в ту пору в Гарвардском университете⁵. Он предложил Веберу выступить на Конгрессе наук и искусств в рамках проведения международной выставки в Сент-Луисе (штат Миссури), которая должна была состояться осенью следующего, 1904 года⁶. Темой выступления Вебер выбрал состояние «аграрного вопроса» в Германии и историю его возникновения.

Вебер был не единственным, кто получил от Мюнстерберга подобное предложение: наряду с ним на конгресс были приглашены и другие корифеи немецкой социальной науки, в частности религиовед Эрнст Трёлч и экономист Вернер Зомбарт. «Каждый должен был прочесть в Сент-Луисе доклад за значительное вознаграждение» (Вебер, 2007: 244)⁷. Приглашение давало немецкому ученому отличный шанс не только сменить привычную обстановку, но и лично познакомиться с Новым Светом, получить впечатления и информацию «из первых рук».

Вебер отправился в Америку со своей женой Марианной в довольно непростой период своей жизни. Прошло уже довольно много времени с лета 1897 года, когда из-за размолвки с отцом, вскоре после этого скончавшимся, он испытал сильное душевное потрясение и был на какое-то время не только выбит из привычной жизненной колеи, но и вынужден отказаться от своих академических занятий. Все эти годы Макс Вебер ведет довольно замкнутый образ жизни и проводит время в путешествиях по Европе в надежде на восстановление душевных сил, благо что его средства, равно как и приданное жены, позволяли жить на ренту. Постепенно дела начали идти на поправку, и примерно с 1903 года Вебер постепенно возвращается к своим академическим занятиям. У него оформляется замысел большой работы, посвященной влиянию протестантской Реформации на хозяйственную этику современного промышленного капитализма⁸. Именно в этот момент Веберу последовало приглашение на конгресс в Сент-Луисе, так что поездка в Америку

---

4. Немецкий философ и психолог, уроженец Данцига, создатель нового направления в практической психологии, названного им «психотехникой». С 1897 г. преподавал в Гарвардском университете. С 1898 г. — председатель Американской психологической ассоциации.

5. Вебер был знаком с Мюнстербергом по Фрейбургскому университету, где они оба преподавали в 1890-е годы (Вебер, 2007: 182).

6. Выставка в Сент-Луисе была приурочена к столетию сделки 1803 г. между США и Францией, по которой Соединенные Штаты приобрели у Франции Нью-Орлеан, Луизиану и другие земли к западу от реки Миссисипи. Она проходила с 30 апреля по 1 декабря 1904 г. Как отмечает Энгельф Хюбингер, наряду с возрожденными Олимпийскими играми подобные международные выставки «служили заметными признаками глобализации накануне Первой мировой войны» (Hubinger, 2019: 42).

7. Оно составляло \$500, или £100, что соответствовало годовой зарплате квалифицированного американского рабочего (Ghosh, 2005b: 370).

8. В 1904 г. Вебер начинает публикацию в издаваемом им совместно с Вернером Зомбартом и Эдгаром Яффе «Архиве социальных наук и социальной политики» цикла статей, которые станут известны его современникам как работа «Протестантская этика и дух капитализма». Вебер отправил ее первую

в этой ситуации стала удачным поводом не только для сбора исторического материала для планируемой работы, но и для «включенного наблюдения» за американским образом жизни и его религиозными корнями.

Макс Вебер отправился в путешествие в Америку вместе с женой и коллегами, в частности Эрнстом Трёлльчем, на первом классе океанского лайнера «Бремен» 20 августа 1904 года (Каубе, 2016: 249). Помимо отменного аппетита своего мужа, которого за ним не наблюдалось уже несколько лет, Марианна не без удовлетворения отмечает:

Спокойное морское путешествие создает хорошую подготовку для новых впечатлений. Особенно это относится к Веберу. Ибо широкие зелено-голубые волны океана легко убаюкивают его, даря обычно мучительно достигаемый сон. Он, глубоко дыша, наслаждается снимающим напряжение простором — игрой облаков, волн и ветра, а движение толпы людей служит все время новым материалом для наблюдений. В этом плавающем городе, в котором рафинированная техника способна удовлетворить все потребности в комфорте, в этой чудесной свежести соленого воздуха ему действительно становится *хорошо*, и наличие большого количества вкусных вещей в нем вновь пробуждает «любителя поесть»; морская болезнь не портит ему удовольствия. (Вебер, 2007: 244)

Судя по воспоминаниям Марианны, Вебер с нетерпением ждал того часа, когда он сможет ступить на американскую землю и наконец-то заняться «коллекционированием» новых впечатлений.

Вебер с трудом дождался высадки и окончания таможенного досмотра. Выйдя, он быстро пошел пружинящими шагами, оставив своих спутников далеко позади, — подобно освобожденному орлу, который наконец-то взмывает ввысь. Они направились к двадцатиэтажному отелю в деловом квартале Манхэттена, где теснятся дерзкие башни-жилища и «капиталистический дух» этой страны создал свои самые впечатляющие символы. Здесь буквально дышишь и ощущаешь на губах засохший навоз этих полных яростного движения улиц. Боже мой! Какой контраст с Италией: Римом, Флоренцией, Неаполем! Все действует ужасающее чуждо: это безликая казарма для странствующих кушцов, в которой каждый являет собой лишь номер. (Вебер, 2007: 245)⁹

часть в печать незадолго до своего отбытия в Америку. Статья вышла в осеннем номере «Архива», когда Вебер путешествовал по Новому Свету (Вебер, 2007: 243).

9. Читая этот отрывок из воспоминаний жены Вебера, стоит помнить о том, что чета Веберов посетила Нью-Йорк и США еще до того, как там произошла великая революция 1920-х — 1950-х гг. в жизненных стандартах американской нации. Это означало, что в ту пору улицы такого мегаполиса, как Нью-Йорк, всё еще утопали в навозе от проезжавших конных экипажей и повозок, электричество, вода и канализация были даже в Америке признаками образа жизни привилегированных классов, а о современных формах массового доступного потребления товаров и услуг можно было только мечтать. Хотя в этот период США были первопроходцами западного модерна в деле освоения достижений второй промышленной революции 1870–1900 гг. — электричества, двигателя внутреннего сгорания, водопровода, туалетов и канализации в домах, телефонной и телеграфной связи, массо-

Марианна Вебер отмечает, что немецких академических «мандаринов» с их привычкой к камерной и антропоморфной *Gemütlichkeit*, ставшей второй натурой, небоскребы Манхэттена подавляли своим размером и деловой функциональностью. Правда, в отличие от некоторых своих спутников, которые, едва ступив на американскую землю, сразу же стали демонстрировать интеллектуальный и культурный снобизм не самого лучшего свойства — так, Вернер Зомбарт в одном из своих писем из Америки передавал своему адресату «теплые поздравления... из этого жуткого культурного ада»¹⁰, — Вебер с явным удовольствием знакомился с еще одним миром западного модерна и занимался коллекционированием новых впечатлений. Увиденное сперва в Нью-Йорке, а затем в других городах и штатах США сильно поразило его. Здесь он смог окунуться в самую гущу американского модерна с его бурно кипящей деловой и повседневной городской жизнью.

Из Нью-Йорка 30 августа 1904 года чета Веберов отправилась в путешествие по стране, которое продлилось 11 недель и завершилось 19 ноября опять-таки Нью-Йорком. Их путь лежал через Буффало к Ниагарскому водопаду, затем — в Чикаго и оттуда — на конгресс в Сент-Луис. Первый этап путешествия пролегал из Нью-Йорка «на запад вдоль лесных берегов Гудзона к Ниагарскому водопаду» (Вебер, 2007: 247). По пути в промышленном городке Норд-Тонованда Вебер с женой навестили пастора Гаупта, родственника одного их немецкого коллеги. «Здесь путешественники нашли удивительный по контрасту с Нью-Йорком маленький город и узнали от акклиматизировавшихся соотечественников больше о своеобразии американской жизни, чем могли бы узнать за недели» (Вебер, 2007: 248). Затем наступила очередь Чикаго, крупного промышленного центра на берегу озера Мичиган, где Вебер смог на месте познакомиться с тем, как в этом центре притяжения разноплеменных масс иммигрантов с Запада и Востока работала машина американского промышленного капитализма¹¹.

«Весь этот огромный город, — писал Вебер одному из своих немецких корреспондентов, — а он более растянут, чем Лондон! — похож, если оставить в стороне фешенебельные кварталы, на человека, с которого содрали кожу, благодаря чему мы видим работу внутренностей»¹². С неподдельным изумлением описывал Вебер свою экскурсию в сопровождении местного «Вергилия» — подростка, который за 50 центов взялся сопровождать его — по чикагским бойням, где можно было воочию проследить все перипетии массового промышленного производства, пере-

---

вых развлечений, автомобилей и бензина — революционизирующее влияние этих технологических изобретений на жизненные стандарты американцев только начало ощущаться, да и сама революция в жизненных стандартах лишь набирала свои обороты. Пройдет еще не так много времени, и к 1920 г. городская Америка станет в этом плане самым передовым обществом модерна. См. об этом недавнее блестящее исследование Роберта Гордона: Gordon, 2016.

10. Цит. по: Offe, 2005: 48.

11. «Бесконечная возня смешанного населения всех рас и частей света», — так комментировала Марианна увиденное ими на улицах города (Вебер, 2007: 249).

12. Письмо Макса Вебера от 19 сентября 1904 г. Цит. по: Scaff, 2011: 41–42.

мещающего свинью «от ее пребывания в хлеву до превращения в колбасу и коробку консервов»¹³.

Вероятно, именно в Чикаго Веберу впервые довелось воочию познакомиться с механизмом массового конвейерного производства¹⁴. Вебер спешил поделиться своими впечатлениями:

Повсюду бросается в глаза невероятная интенсивность труда. Больше всего на бойнях с их «океаном крови», где ежедневно забивают несколько тысяч быков и свиней. С момента, когда бык, ничего не подозревая, входит на бойню, падает от удара молотка, а затем подхваченный железной скобой поднимается наверх, начинается его странствие; процесс неудержимо идет своим ходом, минуя все новых рабочих, которые потрошат быка, сдирают с него шкуру и т. д., но все время (в темпе работы) они привязаны к машине, которая проводит его мимо них. Перед нами предстает совершенно невероятная картина процесса в этой атмосфере чада, нечистот, крови и шкур, где я... проявляю чудеса эквилибристики, чтобы не утонуть в нечистотах¹⁵.

Из Чикаго Вебер с супругой проследовал в Сент-Луис (штат Миссури), где на Международном конгрессе искусств и науки он 21 сентября 1904 года прочитал свой доклад, правда, по-немецки, поскольку небольшую аудиторию слушателей составляли «американцы, учившиеся в свое время в германских университетах, и немецкие коллеги, приехавшие на конгресс, из числа тех, кто работал в смежных областях и был хорошо знаком Веберу» (Scaff, 2005b: 372). Сохранились любопытные воспоминания Марианны Вебер: «Он говорил прекрасно, очень спокойно и сильно; доклад был блестящ по форме и содержанию и сопровождался рядом политических замечаний, интересных американцам. К сожалению, круг слушателей был очень мал, как и всегда на выступлениях всех иностранных ораторов, не имеющих, подобно Гарнаку, мирового признания, однако все коллеги-специалисты присутствовали, и Вебер сделал ряд важных знакомств» (Вебер, 2007: 253)¹⁶.

Из Сент-Луиса чета Веберов снова отправилась в путешествие по стране. Стоит отметить, что особое внимание Вебера во время его поездки привлекала система образования в США с их многочисленными колледжами и университетами, многие из которых были основаны еще в XVII–XVIII веках переселенцами-пуританами. Здесь Вебера особенно интересовали «отчетливые следы организаторских сил *религиозного духа*. Большинство колледжей создано пуританскими сектами

13. Письмо Макса Вебера от 20 сентября 1904 г. Цит. по: Scaff, 2011: 45.

14. Отчеты Вебера о его поездках в Англию в 1895 и 1910 гг. не содержат упоминаний о посещении заводов и фабрик (Вебер, 2007: 184–192), то же самое можно сказать и о Германии. Все это резко контрастирует с его многочисленными исследованиями положения сельского хозяйства в Германской империи и ярко выраженным интересом к его организации в Англии (Ghosh, 2005b: 394).

15. Письмо Макса Вебера от 20 сентября 1904 г. Цит. по: Scaff, 2011: 45.

16. Отметим любопытное, не без иронии замечание Вебера в письме брату Альфреду: «40 мин. — на лекцию, 20 мин. — на то, чтобы забрать чек» (письмо от 18 марта 1904 г.; цит. по: MWG I/8: 204). Здесь, правда, Вебер слегка лукавил — по регламенту конгресса на доклад и ответы на вопросы коллег полагалось 45 минут (Ghosh, 2005b: 372).

и нечто от традиции отцов-пилигримов в них все еще ощущается, они сохраняют в юношах идеал целомудренности, осуждают непристойность и внушают молодому человеку рыцарственность по отношению к женщине, не известную нашим убеждениям среднего уровня» (Вебер, 2007: 246).

Вебер посещает колледж квакеров Хаверфорд неподалеку от Филадельфии, где «знакомится с библиотекой для своей работы о „духе“ капитализма и получает незабываемые впечатления» (Вебер, 2007: 252), связанные, помимо всего прочего, с присутствием на богослужениях квакеров. Вебера также посетил практически все крупные университеты на Восточном побережье, включая Гарвард, Йель, Брауновский университет и университет Джона Хопкинса, и даже присутствовал на занятиях, чтобы изучить американские методы преподавания (Mommson, 2000: 104). В Гарварде Вебер встретился с известным американским философом-прагматистом Уильямом Джеймсом, автором имевшего большой резонанс исследования «Многообразии религиозного опыта» (1902).

Отдельным пунктом пребывания Вебера в США стало изучение на месте «расового вопроса», т. е. отношений между белым большинством и черным меньшинством, который после окончания Гражданской войны (1861–1865) и периода реконструкции на Юге несколько утратил былую остроту, но продолжал омрачать актуальную повестку дня американской политики. Намереваясь понять, насколько серьезна эта проблема, носившая, по его мнению, не «экономический, а этнический характер» (MWG I/8: 213), Вебер встречается с лидерами негритянской общины США. С одним из них — Уильямом Эдвардом Бургхардом Дюбуа (William Edward Burghardt Du Bois, 1868–1963), «первым чернокожим социологом за всю историю этой науки» (Каубе, 2016: 271), — Вебер познакомился еще в 1890-е годы в Берлине, где тот посещал лекции начинающего немецкого ученого. В Америке Веберу удалось уговорить Дюбуа, который много писал по «негритянскому вопросу», печататься в «Архиве социальных наук и социальной политики»¹⁷. Сам Вебер одно время после возвращения из Америки также намеревался опубликовать в «Архиве» обзор литературы по негритянской проблеме в США, однако этот замысел так и остался неосуществленным (Вебер, 2007: 264). Взвешенный и аргументированный социально-научно взгляд У. Дюбуа на расовую проблему импонировал Веберу намного больше, чем моралистический пафос другого известного борца за права негритянского меньшинства — Букера Т. Вашингтона (Booker Taliaferro Washington, 1856–1915) с его тезисом о том, что «in the sight of God there is no colour line» — «с точки зрения Господа нет никакой расовой проблемы» (Hubinger, 2019: 43). Тем не менее супруги Вебер с большим интересом посетили в Алабаме первое в истории США профессиональное училище для чернокожих американцев — Индустриальный педагогический институт в Таскиги, директором которого был Букер Т. Вашингтон, много и плодотворно занимавшийся образованием и воспитанием чернокожих американцев.

17. В 1906 г. Дюбуа опубликовал в «Архиве» статью, посвященную «негритянскому вопросу» в США: Du Bois, 1906: 31–79.

Сам Вебер был сторонником равноправия как способа решения «расового вопроса» в США и противником политики сегрегации, но он прекрасно отдавал себе отчет в том, что практически все белые американцы, с которыми он обсуждал эту тему, не мыслили себе отношения белых с негритянским меньшинством без сохранения тех или иных форм расовой сегрегации. Вебер писал, что даже те из белых американцев Юга, которые считали Букера Т. Вашингтона величайшим из американцев после Томаса Джефферсона и Джорджа Вашингтона, «полностью исключали возможность „социального равенства“ и „социального взаимодействия“ между белыми и чернокожими американцами»¹⁸. Вероятно, эти и подобные им наблюдения привели Вебера к выводу о том, что «проблема „расовой дискриминации“ будет проблемой первостепенной важности надвигающейся эпохи, как здесь [в США], так и повсюду в мире»¹⁹.

Говоря о богатейших впечатлениях, полученных Вебером во время своей поездки по Америке и послуживших впоследствии материалом для многих его выводов и размышлений, нельзя не отметить важности его знакомства со специфической религиозной жизни Нового Света. Особый интерес вызывала у него жизнь небольших местных религиозных общин, принадлежавших к различным ветвям протестантизма, которые задавали тон в религиозной жизни США и делали ее сильно отличающейся от стран Западной Европы, где преобладали крупные официальные церкви. Для того чтобы получить информацию из «первых рук», Вебер посещает бывших соотечественников, и среди них — даже своих дальних родственников. Вольфганг Моммсен отмечает:

Наибольшее впечатление на Вебера произвела та формообразующая функция, посредством которой добровольные религиозные ассоциации воздействовали на индивида. Он пришел к выводу, что эти религиозные социальные группы производили своего рода социальный отбор, принимая в свои ряды только тех кандидатов, которые признавались ассоциацией морально достойными людьми и в то же самое время являлись уважаемыми и профессионально успешными гражданами. По его мнению, этот процесс оказывал благотворное воздействие на общество в целом, поскольку он поощрял индивидуальную инициативу и эффективность и служил источником самоуважения. (Mommesen, 2000: 106)

Следующими остановками на их пути стали культурные центры на Восточном побережье США — Ричмонд, Вашингтон, Филадельфия, Бостон и, наконец, снова — Нью-Йорк, откуда Макс и Марианна отправилась на родину²⁰. Наступало Рождество, которое путешественники желали встретить дома (Вебер, 2007: 264). Подводя итог результатам своей поездки, Вебер отмечал: «Для моей работы по истории культуры я узнал не многим больше, чем то, где находятся вещи,

18. Письмо М. Вебера от 12 октября 1904 г. Цит. по: Scaff, 2011: 109.

19. Письмо М. Вебера У. Э. Б. Дьюбуа от 17 ноября 1904 г. Цит. по: Scaff, 1998: 72.

20. Подробная, разбитая по дням хронология поездки Макса Вебера по Соединенным Штатам приведена в монографии Лоуренса Скаффа «Макс Вебер в Америке»: Scaff, 2011: 253–256.

мне необходимые, особенно библиотеки, которые мне надлежало использовать и которые, рассеянные по всей стране, находятся в маленьких сектах и колледжах. При таких условиях путешествие в нашем теперешнем положении оправдывается только с общей точки зрения расширения научного кругозора (и состояния здоровья). Результаты его в этом отношении могут, конечно, проявиться только через некоторое время» (Вебер, 2007: 264). В заключение этого краткого очерка пребывания Вебера в Америке отметим, что в самом конце своего путешествия он в письме к Уильяму Дюбуа подытожил свои впечатления об американцах как о «замечательном народе», будущее которого «омрачено только негритянским вопросом и ужасной иммиграцией»²¹.

Доклад Макса Вебера в Сент-Луисе: рождение мира модерна из борьбы «капитализма» с «традицией»

Уже само название доклада вроде бы подсказывает тематику, о которой в нем идет речь. Однако при внимательном знакомстве с его содержанием становится понятным, что оба названия, что английское, что немецкое — обманчивы. В действительности круг затронутых проблем выходит далеко за рамки не только «аграрного вопроса» в Германии и истории его появления, но и темы «аграрного общества» как таковой. В этом отношении английская версия названия доклада, несмотря на ее внешнюю неуклюжесть, если и передает смысл его содержания лучше, чем немецкая, то лишь до известной степени. Проблема с названиями в том, что в своем докладе, помимо значения «аграрного вопроса» для исторических судеб Германии в контексте социально-экономических и культурных различий между востоком, западом и югом «немецкого отечества», которое лишь в 1871 году смогло обрести свое национальное единство, Вебер затрагивает еще два круга вопросов более общего свойства. Первый из них связан со сравнительным анализом траекторий становления и эволюции западноевропейского и американского модерна. Второй вопрос нацелен на общий анализ динамики модерна на Западе в свете противостояния двух структурных начал, которые Вебер в своем докладе именуется «традицией» и «капитализмом». Как показывает в своих работах Питер Гош, в ту пору именно эта понятийная пара служила Веберу главным средством концептуальной ориентации, с помощью которого он осмыслял процесс формирования мира модерна на Западе (Ghosh, 2005b: 367–407; 2008: 75–118).

Стало быть, та картина развития мира модерна, которую дает Вебер в своем докладе, не ограничивается анализом особенностей «аграрного вопроса» в Германии, а широкими мазками рисует историю появления на свет нового типа общества и культуры — рационального промышленного капитализма западного

---

21. Письмо от 16 ноября 1904 г. Цит. по: Scaff, 1998: 72. По поводу того, что Вебер имел в виду под «ужасной иммиграцией» и ее значением для будущего Соединенных Штатов, см. третью часть нашей статьи, посвященную анализу М. Вебером американского модерна в сравнительно-исторической перспективе.

типа — и его борьбы со старым аграрным обществом и стоящими за ним традициями и влиятельными историческими преданиями на европейском континенте²².

Вебер начинает свой доклад с оценки американского пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Он целенаправленно подчеркивает «абсолютный индивидуализм фермерского хозяйства» в Соединенных Штатах, специфическое качество которого заключается в том, что «фермер — это сугубо деловой человек» (MWG I/8: 213). В его глазах независимый мелкий фермер, ведущий свое хозяйство на относительно небольшом, но принадлежащем ему лично участке земли представляет собой предпринимателя капиталистического типа, с самого начала занятого производством в целях сбыта своей продукции на рынке. В Америке, доказывает Вебер, «рынок старше, чем сам производитель» (Ibid.: 215). Начав с оценки американского фермерского капитализма в сельском хозяйстве, Вебер дальнейший ход своих рассуждений строит на противопоставлении Северной Америки и Западной Европы. Совсем иначе обстояло дело, доказывает он, в старых культурных странах на европейском континенте. «В старых странах, — настаивает Вебер, — действует характерная комбинация мотивов, которая и объясняет их отклонение от американских условий» (Ibid.: 225). Тем самым повествование принимает форму сравнения американского и европейского модерна, направленного на уяснение различий между ними и породивших эти различия причин²³.

По мнению Вебера, различие между американским и европейским модерном было «обусловлено особыми последствиями капитализма в странах со старой культурой и более высокой плотностью населения в них» (Ibid.: 213). В европейских странах с их колоссальным багажом старой культуры и истории в силу дефицита свободных земель и той роли, которую власть исторической традиции играла в ее апроприации, использование земли определялось отношениями между землевладельцами-аристократами и зависимыми от них крестьянами²⁴, хозяйства которых были ориентированы на покрытие естественных, привычных потребностей крестьянской семьи, а не на поставку на рынок больших объемов товарной продукции на продажу. Тем самым здесь преобладала «моральная экономика», рассчитанная не на достижение максимальной эффективности сельскохозяйственного производства, а на то, чтобы прокормить максимально большое количество «едоков» из числа членов крестьянской семьи за счет эксплуатации обрабатываемого ею участка земли²⁵. Само собою понятно, что большая часть произведенной

---

22. Как считает Питер Гош, «помимо всего прочего, доклад в Сент-Луисе является лучшим обзорным изложением взглядов Вебера на современный капитализм» (Ghosh, 2005b: 381).

23. В силу этого прав Лоуренс Скафф, когда он, характеризуя доклад Вебера в Сент-Луисе с помощью принятой сегодня терминологии, оценивает его как «текст, относящийся к развивающимся сегодня и более масштабным дебатам о „множественных модернах“» (Scaff, 2011: 60).

24. В этих условиях, как подчеркивал Вебер, «способ распределения земли приобретает определяющее значение при дифференциации общества и всех экономических и политических условий страны» (MWG I/8: 214).

25. О «моральной экономике» крестьянского хозяйства как этике выживания см. классические работы Джеймса Скотта, и прежде всего: Scott, 1979.

продукции потреблялась в таком случае внутри самого крестьянского хозяйства, а не шла на продажу; более того, зачастую произведенного не хватало до нового урожая. Такая логика входила в резкое противоречие с логикой капиталистической хозяйственной рациональности, рассчитанной на получение максимальной отдачи от используемой земли при минимизации всех расходов, включая не в последнюю очередь расходы на рабочую силу, т. е. на труд самих крестьян.

Две совершенно разнородные социальные тенденции борются здесь друг с другом, причем эта борьба не ограничивается социально-экономической плоскостью, но принимает форму культурной борьбы. Здесь Вебер прямо отсылает к событиям недавней немецкой истории — политике канцлера Бисмарка, направленной на ограничение влияния Католической церкви в Германской империи, которая получила название *Kulturkampf* — с тем чтобы подчеркнуть духовно-историческое, а не только прозаически-экономическое значение происходящих процессов. Смысл имеющего место в рамках аграрного общества стран Западной Европы противостояния Вебер формулирует совершенно четко и недвусмысленно: «Старый хозяйственный строй вопрошал: „Как я могу на данной земле послужить приложению труда наибольшего числа людей и дать им пропитание?“ Капитализм задается вопросом: „Как я могу собрать максимальный урожай с этой земли с целью его продажи на рынке, задействовав при этом как можно меньше рабочих рук?“» (Ibid.: 217). Эта борьба патриархальных и капиталистических начал в сельском хозяйстве представляла собой яркий пример тех проблем, с которыми старые европейские державы сталкивались в ходе формирования мира модерна. «Тысячелетия прошлого сопротивляются этому вторжению капиталистического духа» (Ibid.: 217), — отмечает Вебер.

Это мощное вторжение «капиталистического духа» в патриархальный аграрный мир Восточной Пруссии до неузнаваемости изменяло как отношения между помещиками-землевладельцами и крестьянами, так и их самих. Речь тем самым шла не только о создании новой, ориентированной на рынок экономики, но и новой культуры. Прусский «юнкер» становился капиталистическим предпринимателем, начинал работать на внутренний рынок и на внешний вывоз производимой продукции, прежде всего зерновых. Он учился использовать городские кредиты²⁶ и сезонную рабочую силу, приходящую из-за границы — из привисленских губерний Российской империи. Прусский помещик-юнкер хотел быть одновременно лендлордом на английский манер и капиталистическим предпринимателем и буржуа. Однако давление императивов рыночно-капиталистической экономики в сочетании с «вторжением капиталистического духа» в аграрные отношения германского востока подталкивали его к отказу от первой социальной роли. Сегодня, говорит Вебер, «собственник имения ведет себя сегодня так же, как и любой другой предприниматель, и он вынужден так поступать, пусть его аристократические традиции и идут вразрез с подобным образом действий» (Ibid.: 240). Менялся

²⁶ Капитализм, как отмечает по этому поводу Вебер, превращает прусского помещика-юнкера «в рентного должника» (MWG I/8: 220).

и местный крестьянин, который под давлением требований коммерциализации и товаризации социальных отношений зачастую был вынужден расставаться со своим старым налаженным хозяйством и искать счастья на стороне — или за океаном, в Соединенных Штатах, или на заводах и фабриках промышленно развитого запада Германии: «В надежде избавиться от своей изоляции и патриархальной зависимости» немецкие крестьяне востока бежали «поближе к дыму фабричных труб немецких заводов, который одновременно был для них воздухом свободы» (Ibid.: 240)²⁷. Такова была та цена, которую немецкий крестьянин востока был вынужден платить за расставание со старым патриархальным миром своего хозяйства и своей *Kultur*.

Не менее важной для перехода от аграрно-традиционного к современному промышленному обществу в Западной Европе была и позиция другой стороны этого базового социального отношения, а именно традиционной земельной аристократии. По словам Вебера, «под воздействием капитализма земельная аристократия претерпевает серьезные внутренние изменения, которые совершенно меняют характер этой аристократии, унаследованный ею от прошлого» (Ibid.: 225). Необходимость поддерживать привычный социальный статус дворянства, владевшего землей, приводила к взлету арендных ставок на землю до заоблачных высот.

Иными словами, сила традиции в европейских странах со старой многовековой культурой не ограничивается сопротивлением крестьянских масс разрушению «моральной экономики» их хозяйств буржуазно-капиталистической модернизацией. На стороне традиции в странах Старого Света стояли и привилегированные слои общества, прежде всего традиционная аристократия и служилое дворянство, удельный вес и социально-политическое значение которого оказываются особенно значимыми в странах с прочными и многовековыми государственным традициями — Австрии, Пруссии, Франции. Фигура чиновника или офицера для таких стран была более характерным социально-культурным типом, чем фигура делового человека или частного предпринимателя. По словам Вебера, «значение класса государственных должностных лиц оказывается большим и должно быть таковым в Западной Европе, чем в Соединенных Штатах. Более сложная социальная организация делает для Европы необходимым наличие множества специально обученных должных лиц, для которых это занятие становится делом всей жизни» (Ibid.: 221). Помимо всего прочего, в европейских странах старой культуры

---

27. Здесь у Вебера акцент на идеальных мотивах, подталкивающих немецких крестьян востока покинуть свои родные места и превращаться в заводских рабочих на западе Германии, а не только на мотивах материальной нужды или экономической выгоды. Такой подход не был для Вебера случайным. Еще в своей лекции 1895 г., прочитанной по случаю вступления в должность профессора Фрейбургского университета, он отмечал по поводу миграции крестьян-немцев с востока Германской империи: «Почему же уезжают немецкие поденщики? Не по материальным причинам: отъезд происходит не из местностей с низким уровнем оплаты труда, и отъезжают не плохо оплачиваемые категории рабочих» (Вебер, 2003а [1895]: 14–15). Их выбор определяет стремление к свободе и к освобождению от патриархальных отношений. По словам Вебера, «в смутной, полусознанной устремленности в дали скрыт момент примитивного идеализма. Кто не может расшифровать этого, тому неведомы чары свободы» (Вебер, 2003а [1895]: 14).

занятие должностей в аппарате государственного управления требовало получения сложного и дорогостоящего высшего образования, что могли позволить себе только выходцы из привилегированных и состоятельных кругов общества.

Вебер констатирует в своем докладе:

Вследствие всех этих влияний, европейский капитализм, по крайней мере на континенте, отмечен характерной печатью авторитарности, что особенно бросается в глаза на фоне гражданского равноправия в Америке и отчетливо ощущается самими американцами. Эти авторитарные тенденции, равно как и антикапиталистические настроения, характерные для различных страт европейского общества... находят свое социальное выражение в конфликте между земельной аристократией и городскими буржуазными слоями. (Ibid.: 225)

Этот конфликт между индустриальными и аграрными капиталистическими интересами и их носителями в странах Западной Европы имел, по мнению Вебера, важное *политическое* измерение

...поскольку встает вопрос, перейдет ли экономическая и политическая власть окончательно в руки городского капитализма, суждено ли будет небольшим сельским центрам с их политическим руководящим слоем (*intelligence*), отличающимся своей специфически окрашенной социальной культурой, прийти в упадок и уступить свое место на поле боя городам как единственным носителям политической, социальной и эстетической культуры. Этот вопрос является одновременно и вопросом о том, будут ли люди, жившие ради политики и государства, как это делала старая, экономически независимая земельная аристократия, сменены подавляющим господством профессиональных политиков, живущих за счет политики и за счет государства. (Ibid.: 220)

Говоря о «политическом руководящем слое (*intelligence*), отличающемся своей специфически окрашенной социальной культурой» и своим «политическим разумом», Вебер имеет в виду «юнкеров» — представителей прусской земельной аристократии, которая традиционно выполняла сперва в Пруссии, а с 1871 года — в Германской империи — руководящие политические и социальные функции, а также предоставляла кадры для офицерского состава армии и гражданского чиновничества. В созданной в 1871 году Германской империи «юнкерское» сословие продолжало играть большую роль в политике²⁸. «Особенность прусского юнкерства состояла в том, что оно сохраняло кастовую замкнутость и привилегии на занятие высших постов в администрации и офицерских должностей в армии и флоте» (Кривогуз, 1959: 262). Такая организация рекрутирования кадров для аппарата

---

28. «Класс сельских землевладельцев в Германии, состоящий в основном из дворян, живущих на землях к востоку от Эльбы, политически правит ведущим германским государством» (MWG I/8: 226), — подчеркивал Вебер по поводу прусского государства и его социальной основы в своем докладе.

государственного управления приводила к тому, что «в Пруссии из 12 обер-президентов 11, а из 36 регирунгс-президентов 25 были дворянами. Дворянами были 87% штабных офицеров в кавалерии, более 40% — в пехоте и артиллерии. Большая часть дипломатов также была из дворянства» (Там же: 262). Более того, влияние прусского юнкерства на немецкую политическую и социальную жизнь не ограничивалось его удельной долей в составе правящего класса. Не менее важным было и то, что образ жизни прусской аристократии служил образцом для подражания буржуазным слоям в том, что касалось жизненных стилей и презентации себя в повседневной жизни (MWG I/8: 226)²⁹.

Переломный момент в немецкой политике наступает, согласно Веберу, на рубеже веков, когда закат экономического господства помещиков-юнкеров начинает подрывать их политические позиции в Германской империи. Инициатива переходит к городам, где политически активные группы были представлены как буржуазными кругами, так и мощным рабочим движением, политическим выразителем интересов которого являлась германская социал-демократия. Еще в 1895 году Вебер подчеркивал, что «усадьбы востока были опорными пунктами дислоцированного в этих землях господствующего класса и такими же опорными пунктами для чиновничества — но с их распадом, с утратой социального характера старым помещичьим дворянством центр политического разума неудержимо сдвигается в города. Этот сдвиг — решающий политический момент аграрного развития востока» (Вебер, 2003а [1895]: 14).

Проблему, однако, Вебер здесь видел в том, что политический и экономический потенциал главных классов европейских наций были не тождественны друг другу. По словам Вебера, «экономическая власть и призвание к политическому господству нацией не всегда совпадают между собой» (Там же: 30). Вебер показывает это на примере расстановки классово-политических сил, сложившихся в Германской империи на рубеже XIX–XX веков. Класс может обладать серьезным политическим потенциалом или «политическим разумом» (Intelligenz), но относительно слабым или убывающим экономическим потенциалом. Таково было положение прусского помещика-юнкера на рубеже веков, этой опоры монархии и империи в Пруссии и Германии. Напротив, класс может занимать серьезные экономические позиции в обществе, но при этом быть не в состоянии адекватно выполнять в нем политическую руководящую роль. Именно в этом, по Веберу, заключалась главная проблема немецкой буржуазии, с одной стороны, и немецкого рабочего класса — с другой. Будучи восходящими социальными классами, немецкая буржуазия и рабочие, в отличие от прусской аристократии, не обладали теми политическими навыками и качествами, которые могли бы помочь им справиться с управлением немецкой государственно-политической жизнью. Тем не менее будущее было за ними — о чем Вебер настойчиво говорил начиная с 1890-х годов, но это будущее

---

29. Эта точка зрения находит свое подтверждение и у современных исследователей. См., к примеру, последнее фундаментальное исследование, посвященное истории, социальному строю и культуре прусского государства: Spenkuch, 2019: 120–121.

было неопределенным и внушало Веберу серьезные опасения в силу известной политической «незрелости» обоих классов.

В этом плане политическая борьба в Германии была одновременно борьбой между индустриально-капиталистическими и аграрно-капиталистическими интересами. Что касается самого Вебера, то он целиком и полностью стоял на стороне индустриально-капиталистической Германии, хотя и не считал городскую буржуазию и ее промышленно-деловые круги политически зрелыми для того, чтобы взять власть над страной в свои собственные руки. Тем не менее главную политическую дилемму, стоявшую перед Германией и ее основными социальными классами на рубеже веков, он формулировал достаточно четко и недвусмысленно. Еще в ноябре 1896 года, выступая на учредительном конгрессе Национально-социального союза в Эрфурте, инициатором создания которого был его близкий друг и либеральный теолог Фридрих Науманн, Вебер прямо заявил делегатам съезда, что «остается только выбор, поддерживать либо буржуазный, либо аграрно-феодальный класс. Социал-демократия своим наступлением на буржуазию лишь проложила путь реакции... Поэтому необходимо решиться на то, чтобы стать новой национальной партией буржуазной свободы, стремящейся к буржуазно-капиталистическому развитию»³⁰. Именно с такой постановкой вопроса мы имеем дело и в его докладе 1904 года.

Наконец, описывая борьбу традиции и капитализма в процессе упрочения европейского модерна, Вебер вводит еще одно важное понятийное новшество, которое получит развитие в поздний период его творчества. По Веберу, на стороне традиции в Германии и в других европейских странах стояла не только корона и старая земельная аристократия, церковь и значительная часть крестьянства, но и образованные слои общества, которые он называет *Bildungsaristokratie* — «аристократией образования». Эта мощная социальная сила, аналогов которой Вебер не находил в Соединенных Штатах, также занимала в основном консервативные и антикапиталистические позиции, и тем самым — стояла на стороне традиции в сфере культуры, образования и воспитания. По словам Вебера,

В стране старой культуры «аристократия образования» (aristocracy of education), *Bildungsaristokratie*, как она предпочитает называться, представляет собой влиятельный класс населения, лишенный лично окрашенного интереса к экономике; она склонна смотреть более скептически на триумфальное шествие капитализма и критиковать его более рьяно», чем «в стране, подобной, к примеру, Соединенным Штатам». В условиях, когда интеллектуальное и эстетическое образование становится профессией, ее представители оказываются «связанными отношениями внутреннего сродства со всеми носителями старинной социальной культуры, поскольку также и для них профессия не может и не должна служить источником барыша, полученного в результате игры слепого случая. (MWG I/8: 224)

30. Цит. по: Вебер, 2007: 197–198. Перевод исправлен мной. Подробнее о дебатах на конгрессе см.: Mommsen, 1959: 137–139.

Свобода от материальной необходимости, равно как и рентный, а не предпринимательский источник дохода аристократов, привилегированных посредством образования, имели своим следствием то, что представители «аристократии образования» с недоверием относились к капиталистическому духу и его носителям. Они боялись, что прогрессирующее вторжение капитализма в жизнь старых культурных европейских наций приведет к утрате жизненно важных «этических и эстетических ценностей», укорененных в «традиционных условиях жизни общности» (Ibid.: 224). Они, — отмечает Вебер по поводу представителей «аристократии образования», — «сомневаются в том, что господство капитала способно будет дать лучшие и более прочные гарантии личной свободе и развитию интеллектуальной, этической и социальной культуры, представителями которой они являются, по сравнению с теми гарантиями, которые давала аристократия в прошлом». И даже более того: «Они желают, чтобы ими правили люди, чью социальную культуру они считают равновеликой их собственной; по этой причине они оказывают предпочтение господству экономически независимой аристократии, господству профессиональных политиков». В результате «сегодня в культурных странах дела складываются таким образом», — говорит Вебер, — что «представители высших интересов культуры обращают свой взор к прошлому, с глубокой антипатией относятся к неизбежному развитию капитализма и отказываются от сотрудничества [с ним] в определении контуров будущего» (Ibid.: 224). Тем самым, по Веберу, выходит так, что жизненные идеалы и базовые интересы образованного сословия в европейских странах со старой *Kultur* находятся на стороне тех социальных сил, которые стоят за традицию и *против* современного капитализма³¹. Такова в общих чертах была картина европейского и германского модерна, которую Вебер нарисовал в своем докладе в Сент-Луисе, организовав материал своего выступления вокруг понятийной пары «традиция» и «капитализм».

Американский модерн в сравнительно-исторической перспективе

Реконструкция основных черт и исторической динамики европейского модерна была необходима Веберу, помимо всего прочего, для сравнения его с той формой модерна и рационального промышленного капитализма, которые получили развитие в Северной Америке. Для Вебера американский капитализм был капитализмом высшей пробы³² в силу целого ряда уникальных особенностей истории Севе-

---

31. Эти соображения по поводу роли лиц, привилегированных посредством образования и культурных компетенций (*literati*) в европейской политической и культурной жизни, получают острополюемическое звучание в политических статьях и выступлениях Вебера 1917–1919 гг., посвященных демократизации политической системы Германии. См. об этом: Ghosh, 2005b: 405–407. Из последних работ на эту тему упомянем только в высшей степени информативную и ценную в плане выводов статью: Ghosh, 2016.

32. В одной из своих статей 1894 г. («Die Ergebnisse der deutschen Börsenquete. I») Вебер прямо пишет о Соединенных Штатах как об «ультрасовременном, капиталистическом, полуварварском государстве» (MWG I/5,1: 220).

ро-Американских Соединенных Штатов. Пользуясь понятийным языком самого Вебера, можно сказать, что американский капитализм представлял для него результат уникальной исторической констелляции — схождения в одной точке пространства и времени некоторых факторов, незнакомых старым культурным державам Европы, которым для того, чтобы совершить свой прорыв к миру модерна, пришлось долго и упорно бороться с инерцией традиции, а точнее — с целым рядом могущественных традиций религиозного, социального и культурного свойства. Иначе обстояло дело в Америке, где множество обстоятельств, некоторые из которых отмечал уже А. де Токвиль в своей «Демократии в Америке» (Токвиль, 1992 [1835/1840]), — наличие большого запаса свободных земель и богатых залежей сырья, отсутствие могущественных внешних врагов, равно как и влиятельной наследственной аристократии, свобододобивый и антиавторитарный религиозных дух протестантских сект и деноминаций, последователи которых составили первую волну переселенцев в Новый Свет, низкая плотность населения, дефицит рабочей силы, заставлявшей предпринимателей ставить себе на службу новейшие технические изобретения и заменять рабочую силу машинами и неживыми источниками энергии, — благоприятствовали быстрому продвижению американской нации к миру модерна и придавали этому движению беспрецедентный динамизм и колоссальную деловую и жизненную энергию. Капиталистическое развитие в Америке, отмечал Вебер, происходило с необыкновенной быстротой: всему, что «стояло на пути капиталистической культуры, суждено было быть сметенным с несокрушимой силой»³³.

Однако, как предполагает Вебер, в будущем эта беспрецедентная динамика капиталистического развития будет иметь тенденцию к угасанию в связи с постепенным исчерпанием целого ряда географических и демографических преимуществ, имевших уникальный исторический характер и вносящих колоссальный вклад в динамичное развитие американского модерна. На первое место среди этих благоприятных факторов Вебер ставит наличие свободных земель к западу от Аллеганских гор, которое постепенно сошло на нет благодаря интенсивной колонизации второй половины XIX века. Исчерпание фонда свободных земель на Западе в совокупности с растущей иммиграцией из Европы и Азии должно было привести, по мнению Вебера, к увеличению предложения рабочих рук на рынке труда, что имело бы своим следствием понижение оплаты труда и падение заинтересованности предпринимателей в применении современной техники. Более того, Вебер предполагал, что исчерпание запаса свободных земель в обозримом будущем могло привести также к существенному повышению стоимости земли и к формированию на этой почве наследственной земельной аристократии, характерной для застойной социальной структуры европейского модерна.

Рассматривая американский капитализм как капитализм высшей пробы, Вебер в связи с этим задавался двумя вопросами. Первый: какие социально-историче-

---

33. Цит. по: Вебер, 2007: 256. Перевод исправлен мной по изданию: Weber, 1984 [1926]: 306.

ские факторы и обстоятельства обусловили отличие американской версии модерна от его европейских моделей? Второй: какую траекторию примут социальные и культурные трансформации в мире модерна в будущем? И еще более конкретно: приведет ли развитие Запада в будущем к «американизации» Европы или же к «европеизации» США?

На все эти вопросы он искал ответы не только в книгах и статьях, но и в личном знакомстве с главными чертами и особенностями американского капитализма и американского образа жизни. Здесь его внимание привлекли несколько базовых, структурообразующих факторов политического, социального и религиозного опыта американского модерна. Не претендуя на исчерпывающее освещение вопроса, отметим только несколько важнейших — с точки зрения Вебера — моментов, оттеняющих специфику американского модерна в сравнительно-исторической перспективе.

Религиозные секты и светские добровольные ассоциации. На первое место среди заинтересовавших Вебера особенностей американского модерна следует поставить проблематику, связанную с ролью протестантских религиозных сект в американской жизни и их значением в качестве образцов для светских союзов и ассоциаций.

После своего возвращения из Америки Вебер в 1906 году публикует сперва во «Frankfurter Zeitung» (13 и 15 апреля), а затем в изрядно переработанном виде — в «Christliche Welt» (14 и 21 июня) статью об американских сектах и церквах³⁴. В этих публикациях он, опираясь на свои впечатления, полученные во время визита в США, снова возвращается к центральному для него в то время вопросу о влиянии аскетического морального поведения последователей протестантских сект на становление современного рационального западного промышленного капитализма. Вопрос, который интересовал Вебера больше всего в этой связи применительно к опыту американского модерна, можно сформулировать следующим образом: как принципы «отбора» и «рекрутирования» новых членов, принятые в протестантских аскетических сектах в Северной Америке, изменились и превратились в принципы отбора и проверки новых членов светских ассоциаций, снабжающих их отборным человеческим материалом?

Вебер связывает своеобразие американской общественной жизни с существованием множества добровольных религиозных сообществ, которые являются основой отношений солидарности в рамках американского гражданского обще-

---

34. Во «Франкфуртской газете» статья была опубликована под названием «„Kirchen“ und „Sekten“», в «Христианском мире» — «„Kirchen“ und „Sekten“ in Nordamerika: Eine kirchen- und sozialpolitische Skizze». Современную академическую публикацию этого текста см. в Max Weber-Gesamtausgabe: MWG I/9: 435–462. Основательно переработанная версия этих двух статей была опубликована в 1920 г. в «Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie» под названием «Протестантские секты и дух капитализма». Современную академическую публикацию этого последнего текста см. в Max Weber-Gesamtausgabe: MWG I/18: 493–548. В дальнейшем перевод на русский язык текста Вебера в редакции 1920 г. цитируется по изданию: Вебер, 1990б [1906/1920]: 273–304.

ства. Если в XIX веке Алексис де Токвиль писал о той колоссальной роли, которую гражданские ассоциации играли в жизни американского общества, то Вебер подчеркивает значение ранних аскетических протестантских сект XVII века как базовой модели организации американского демократического опыта.

В «противоположность принадлежности к церкви», которая, по словам Вебера, «дана» человеку «от рождения» (Вебер, 1990б [1906/1920]: 277), церковные общины в Новой Англии как в колониальный период, так и впоследствии были устроены на принципе добровольного членства, сообразно которому община как добровольное сообщество верующих «могла по своей воле принять данного человека в качестве своего члена или не допустить его в свою среду» (Там же: 281). При этом «церковные общины Америки, как и все пуританские секты в широком смысле этого понятия, выносили свое решение в зависимости от того, доказал ли данный индивид своим *поведением* наличие у него определенной религиозной квалификации» (Там же: 281). Отсюда проистекала необходимость *постоянно* подтверждать своим «достойным» моральным поведением членство в рядах немногих «избранных» к спасению, которая была абсолютным императивом для членов аскетических протестантских сект в Соединенных Штатах. По замечанию Вебера, «исключение из секты за нравственные проступки влекло за собой потерю кредита и социальное деклассирование» (Там же: 277). В отличие от авторитарной дисциплины официальных церквей (таких как Римско-католическая церковь, Англиканская церковь в Англии или же Лютеранская церковь в Пруссии), этот способ надзора и контроля над повседневным поведением верующих внутри религиозного сообщества являлся малозаметным для стороннего наблюдателя, но при том необычайно эффективным, поскольку он охватывал всю жизнь верующего целиком, а не какие-то ее отдельные аспекты. Согласно Веберу, «дисциплина внутри аскетических сект была... значительно более суровой, чем дисциплина какой бы то ни было церкви» (Там же: 286). При этом базовым постулатом, лежавшим в основе требования к членам секты соблюдать строгую нравственную дисциплину, было стремление соблюсти чистоту общины причащающихся (в частности, у квакеров).

Эта строгая нравственная дисциплина для своих членов, которая осуществлялась церковными общинами протестантских сект в Северной Америке, имела три примечательные особенности. «Церковная дисциплина пуритан и сектантов, во-первых, проводилась отчасти, а во многих случаях и полностью мирянами; во-вторых, средством ее реализации была необходимость *самоутверждения*, и, в-третьих, она воспитывала или, если угодно, отбирала определенные *качества*» (Там же: 289).

Последний момент, а именно роль религиозной секты как воспитателя у своих приверженцев определенных, и не в последнюю очередь *деловых качеств*, Вебер считает наиболее значимым с точки зрения истории американского общества. «Для вступления в сферу какого-либо сообщества член секты (или кружка) должен был обладать определенными *качествами*, которые... имели большое значение для развития современного рационального капитализма. Для того же, чтобы

прочно *утвердиться* в данной общине, новый член общины должен был постоянно *подтверждать* наличие у него требуемых качеств: тем самым они непрерывно в нем воспитывались» (Там же: 289). От этого «подтверждения», добавляет Вебер, «полностью зависело как его потустороннее блаженство, так и все его земное существование и социальное благополучие» (Там же: 290).

Этот процесс интенсивного формирования у члена религиозного сообщества определенных требуемых этим сообществом качеств, характерный для протестантских сект и церквей в Северной Америке, равно как и необходимость своим повседневным нравственным поведением постоянно подтверждать обладание этими качествами, заложили моральные основы американского общества, насытив его социальные отношения «сектантским духом».

С процессом *секуляризации* в XIX веке секты и церкви не ушли в прошлое, но послужили моделью для создания *светских гражданских ассоциаций*. Последние, прибегая к строгим процедурам «отбора» и «приема» новых членов в свои ряды, обеспечивали себя тем самым превосходным человеческим составом с безупречной деловой репутацией. По словам Вебера, «современное положение светских клубов и обществ, пополнявшихся посредством баллотировки, в большей степени является продуктом *секуляризации* тех волюнтаристских объединений — сект, — которые служат прототипом этих союзов и значение которых некогда было гораздо более важным. Это прежде всего относится к родине подлинных янки, к североатлантическим штатам» (Там же: 181). Поскольку Вебер связывает широкое распространение в Соединенных Штатах на рубеже XIX–XX веков процесса отбора индивидов по их деловым качествам с процессом *секуляризации*, речь в данном случае идет уже не только о добровольном вступлении в религиозные ассоциации как свидетельстве высоких моральных, и прежде всего деловых качеств индивида, но и о формировании особого рода *сословной чести*, тесно связанной с особым типом «буржуазно-капиталистического делового этоса внутри широких кругов среднего слоя буржуазии (включая фермеров)» (Там же: 279). Эта *сословная этика* имела тенденцию к ограничению круга контактов членов этих светских ассоциаций своими братьями по сообществу. По словам Вебера, подобное «сословное членение, опирающееся на конвенциональный жизненный стиль, возникает в Соединенных Штатах на основе традиционной демократии. Это происходит, например, когда только жители определенной улицы (*the street*) рассматриваются как принадлежащие к *society*, т. е. считается, что только с ними приличествует общаться, обмениваться визитами и приглашениями. Или когда строгое следование господствующей в *society* моде — даже со стороны мужчин в невиданном у нас масштабе — служит показателем того, что данное лицо *pretendует* на то, чтобы его, по крайней мере *prima facie*, воспринимали как джентльмена и обходились с ним как с таковым» (Вебер, 2017: 303). Не будучи по своему содержательному наполнению сословной этикой феодального типа, присущей привилегированным слоям старых «культурных наций» типа Франции и Германии, эта буржуазно-капиталистиче-

ская деловая этика хорошо ложилась на почву американского модерна с присущей ему высокой оценкой деловых качеств личности.

Эти выводы Вебера относительно первостепенного значения религиозных сект в американской жизни касались не только деловой или фермерской, но и рабочей Америки. Комментируя в одном из писем из Америки особенности жизни рабочих кварталов Чикаго, он отмечал, что не только количество храмов в этих кварталах, посещаемых самими рабочими, достаточно велико, но что само это обстоятельство может служить свидетельством того, что в религиозных институтах заключены «наиболее характерные особенности американской жизни, равно как и наиболее определяющие факторы глубокой внутренней трансформации. Вплоть до последнего времени именно ортодоксальные секты придавали всем сторонам жизни ее специфический характер. Вся социальность, всякое социальное единство, всякая агитация в пользу филантропических, или этических, или даже политических интересов (вроде кампании против коррупции) находятся в их руках»³⁵.

Наконец, модель добровольной ассоциации, прием в которую осуществляется на основе строгого отбора, возникшая в американской религиозной жизни, сыграла огромную роль и в американской политике. «В прошлом, да и поныне, признаком специфически американской демократии было то, — отмечает Вебер, — что она являла собой *не* хаотическое скопление индивидов, а совокупность хотя и замкнутых, но волюнтаристских *союзов*» (Вебер, 1990б [1906/1920]: 280). Мысль о том, что вопреки мнениям многих немецких ученых и интеллектуалов, демократия в ее американском исполнении вовсе не предполагает «атомизации» отдельных индивидов и превращения их в «пыль человеческую», проходит постоянным рефреном через все версии статьи Вебера 1906 года о протестантских сектах в Америке (MWG I/9: 435–462).

Проследивая истоки подобного непонимания, характерного для немецкого академического сообщества начала XX в., и не только для него, необходимо иметь в виду еще и то обстоятельство, что понятие «сообщество» (*англ.* community), которое используется как в американской повседневной жизни, так и в языке социальных наук в США для характеристики добровольных религиозных и светских ассоциаций, принципиально отличается от понятия «общность» (*нем.* Gemeinschaft) в немецкой социально-философской и социально-научной мысли. Скорее его понятийным эквивалентом в рамках бинарной оппозиции «общность» (*нем.* Gemeinschaft) и «общество» (*нем.* Gesellschaft), введенном немецким социологом Фердинандом Тённисом (Тённис, 2002 [1887]), является термин «общество»³⁶. Под «общностью» у Тённиса понимаются такие формы совместной жизни людей, которые не являются предметом их свободного выбора и основаны на таких принудительных критериях членства, как род, семья, соседская община или церковный приход. В случае с американскими протестантскими общинами, которые возникали как добровольные ассоциации религиозных единоверцев, все обстоит

35. Письмо от 20 сентября 1904 г. Цит. по: Scaff, 2011: 47.

36. Об этой понятийной дихотомии см.: König, 1955.

совершенно иначе. Протестантские «секты» в описании религиозной жизни американцев у Макса Вебера, а еще раньше «сообщества» в описании демократической жизни американцев у Токвиля — это полный антипод «общности» у Тённиса. В этом плане проблема понимания немецкими учеными и интеллектуалами американского опыта модерна с опорой на социально-научное знание отягощалась еще и довольно мощными понятийно-семантическими проблемами и недоразумениями³⁷, о чем Вебер прямо говорит в своих публикациях 1906 года о протестантских сектах в Америке.

Америка не знала старой наследственной аристократии. Большое значение при характеристике специфики американского модерна Вебер придавал тому обстоятельству, что в Северной Америке, в отличие от Западной Европы, так и не сложилось сильной и влиятельной наследственной аристократии, политическое господство которой основывалось на владении землей и на контроле над местным крестьянским населением, а главным источником дохода служила земельная рента и другие платежи от зависимого крестьянского сословия³⁸.

В Северной Америке, говорит Вебер в своем докладе в Сент-Луисе, «нет старой аристократии; по этой причине не существует противоречий между авторитарной традицией и чисто коммерческим характером современной экономики» (MWG I/8: 242). По причине отсутствия старой аристократии, а точнее, его ликвидации в ходе Войны за независимость (1775–1783), когда большая часть аристократии колоний сохранила верность английской короне и в итоге потеряла как политическую власть, так и земельную собственность³⁹, в Северной Америке конфликт между традицией и современностью не стоял так остро, как в старых европейских обществах, вступивших на путь модернизации в раннее Новое время. Правда, Вебер считал, что за годы, прошедшие с момента провозглашения независимости США на Юге на базе плантаторского хозяйства, использовавшего труд чернокожих рабов, постепенно сформировалась новая аристократия, основой власти которой было владение землей и которая представляла собой патриархальную и антикапиталистическую социальную силу (Ibid.: 220–221). Однако эта новая аристократия Юга потерпела полное поражение в ходе Гражданской войны 1861–1865 годов, в ходе которой ее противником была буржуазия индустриально развитого Севера страны, и сошла с исторической арены. Одновременно тяжелый удар был нанесен по социально-экономической основе господства плантаторской аристо-

---

37. См. об этом: Joas, 1992: 114–145.

38. «Аристократ в социологическом смысле, — подчеркивает Вебер в своей «Истории хозяйства», — есть человек, который благодаря своему экономическому положению может в ряде поколений отдаваться политике и жить для нее, не имея необходимости жить от нее, т. е. это владелец ренты; но это последнее условие неосуществимо для тех слоев, которые, трудясь для поддержания самого себя и семьи, остаются привязанными к определенному занятию, будь то предприниматели или рабочие. В частности, среди сельского общества полным аристократом является только владелец земельной ренты» (Вебер, 2001 [1923]: 117).

39. См. об этом: Лан, 1932: 17–19.

кратии и главной отрасли экономики Юга — сельскому хозяйству, степень разрушения которого по отдельным южным штатам колебалась от 30 до 68%⁴⁰. Тем самым был решен не только коренной вопрос ускорения перехода США на рельсы индустриального развития, но и поворота американской политики в сторону ее профессионализации, за чем, по Веберу, неизбежно должна была последовать и бюрократизация. Вопрос о том, говорит Вебер в своем докладе, «будут ли люди, жившие ради политики и государства, как это делала старая, экономически независимая земельная аристократия, сменены подавляющим господством профессиональных политиков, живущих за счет политики и за счет государства», в Соединенных Штатах «был решен, по крайней мере на сегодняшний день, одной из самых кровопролитных войн нашего времени, которая привела к разрушению аристократических, социальных и политических центров сельских районов» (Ibid.: 221–222). Однако историческая тяжесть традиции и капитализма представляет собой, по Веберу, задачу со многими неизвестными, и притом не только в Старом Свете. По его словам, «даже в Америке, с ее демократическими традициями, заложены пуританизмом в качестве непреходящего наследия, победа над плантаторской аристократией далась с трудом и стоила больших политических и социальных жертв» (Ibid.: 221).

Правда, Вебер не исключал, что исчерпание фонда свободных земель на Западе приведет в обозримом будущем к существенному повышению цен на землю и к формированию на этой основе в Северной Америке наследственной земельной аристократии, подобной той, что была характерна для социальной структуры стран европейского модерна.

Когда земля станет достаточно дорогой для того, чтобы с нее можно было бы получать определенную ренту, когда накопление больших состояний достигнет еще более грандиозных масштабов, нежели сегодня, когда в то же самое время возможности получать соразмерные ренте прибыли путем постоянного осуществления новых вложений в торговлю и промышленность сократятся настолько, что «капитаны промышленности», как это уже случилось повсюду в мире, начнут стремиться к наследственному сохранению своих состояний вместо того, чтобы делать новые вложения, — тогда, вне всякого сомнения, у капиталистических семей появится желание стать «знатью», если не по форме, то по факту. (Ibid.: 241)

Отсюда Вебер делал вывод, что «только тогда, когда капитал ляжет на этот курс и начнет в больших масштабах монополично присваивать землю, перед Соединенными Штатами встанет серьезный аграрный вопрос, который, в отличие от вопроса о рабстве, нельзя будет разрешить мечом» (Ibid.: 241).

Отсутствие в Америке профессиональной невыборной государственной бюрократии. Вебер неоднократно в своих публикациях и публичных выступлениях,

---

40. См. об этом: Лан, 1932: 66.

посвященных американскому модерну, подчеркивал, что отличительной чертой американской политической жизни и организации государственного управления в США было то, что большинство государственных должностей по итогам выборов занимали назначенцы, выдвинутые победившей партией⁴¹. Это сдерживало оформление в США касты профессиональных чиновников-управленцев, подобной той, что к тому времени сложилась в таких ведущих европейских державах, как Австрия, Германия и Франция. К этой важнейшей отличительной черте американской политической жизни, лишь мимоходом затронутой в докладе в Сент-Луисе, Вебер будет впоследствии возвращаться неоднократно в своих статьях и выступлениях.

Прежде всего речь идет об организации государственного управления на федеральном и местном уровне, а также на уровне отдельных штатов. Именно в этой области вплоть до последних десятилетий XIX века Америка разительно отличалась от Европы, где уже с наступлением эпохи абсолютизма происходит оформление государственного управления как самостоятельной функции и системы специальных бюрократических организаций.

Иначе обстоит дело в Соединенных Штатах, которые вплоть до начала XX века исключительно «счастливы» избегали бюрократизации управления как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Отличительной чертой американской системы государственного управления было то, что здесь бремя управления брали на себя сторонники того кандидата в губернаторы или в президенты, который одерживал победу на демократических выборах. В качестве меры вознаграждения своих сторонников победитель назначал их на государственные должности, которые они, будучи дилетантами в сфере управления, отправляли лишь до той поры, пока победивший кандидат сам занимал должность, и пока они сохраняли ему личную лояльность.

Кроме того, поскольку в Западном полушарии у США не было могущественных врагов, они до определенного момента могли позволить себе содержать сравнительно скромные вооруженные силы, что, в свою очередь, вело к тому, что потребность в организации военного дела не накладывала на американское общество такого сильного милитаристского отпечатка, который был характерен для таких великих европейских держав, как Франция, Пруссия или Российская империя.

Наконец, сравнительно позднее появление централизованной системы государственного управления в США привело к тому, что «полное становление

---

41. Огромное количество — по сравнению с европейским опытом политической жизни — разнообразных выборов, в которых в течение одного года приходилось участвовать американским избирателям, отмечали практически все наблюдатели из Старого Света, интересовавшиеся данным вопросом. В свое время Вернер Зомбарт в книжке «Почему нет социализма в Соединенных Штатах?» (1906), написанной после визита в США в 1904 г., подсчитал на примере штата Огайо, что «в общем, каждый гражданин должен ежегодно участвовать в 22 выборах. Это не значит, что он 22 раза, в различное время, должен идти к урнам (ведь часто назначают на один и тот же день выборы различных должностных лиц), но он должен каждый год избирать 22 человека, подходящих, по его мнению, к данной должности» (Зомбарт, 2005 [1906]: 240).

представительных институтов предшествовало развитию современного государственного управления» (Риггс, 1995: 152) на федеральном уровне. Представительные и законодательные собрания, особенно на уровне штатов и местном уровне, появились здесь значительно раньше, чем централизованный бюрократический аппарат Союза. Это — одно из коренных отличий американской политической системы от политических систем ведущих европейских держав.

В своих наблюдениях Вебер делает акцент на сложившуюся в США практику раздачи победившим кандидатам или партии постов и должностей своим сторонниками и приверженцам, которая получила в США название «spoils system». Эта система создавала условия борьбы за власть, при которой ставки были необычайно высоки и итог выражался принципом: «победитель получает все». Одним из важнейших последствий подобного распределения государственных должностей, на которое Вебер обращает особое внимание, была повсеместная коррупция, на что в американском обществе той поры было принято закрывать глаза.

Вебер писал:

Хотя старый американский чиновник, осуществлявший партийный патронаж, и был профессиональным «знатоком» площадки предвыборной борьбы и соответствующей «практики», его ни в коем случае нельзя назвать экспертом, получившим специальное образование. Вот на чем, а не на демократии как таковой — в отличие от того, что внушают публике наши литераторы — основывалась тамошняя коррупция, которая столь же чужда получившим университетское образование профессиональным чиновникам только зарождающейся там *civil service*, как и современной английской бюрократии, которая теперь занимает место *self-government*, осуществлявшегося знатью («джентльменами»). (Вебер, 2003б [1918]: 142)

Такое положение дел, однако, встречало полное понимание у американских рабочих-избирателей по причинам, на которых Вебер неоднократно останавливался в своих работах. В частности, в «Хозяйстве и обществе» он так передает свой разговор 1904 года с одним американским рабочим:

На вопрос: «Почему вы позволяете собой управлять продажным партийным чиновникам?» — англо-американский рабочий отвечал мне еще 16 лет тому назад: «Потому, что *our big country* дает такие возможности, что, даже если украдут, присвоят, спрячут миллионы, все равно хватит, чтобы заработать, а еще потому, что эти *professionals* являются кастой, на которую мы, рабочие, плюем», — ну а профессиональные чиновники немецкого типа были бы кастой, которая «плевала» бы на рабочих. (Вебер, 2016: 306)

Несмотря на то что Вебер с пониманием относился к тому стойкому недоверию, которое американские рабочие питали к касте профессиональных чиновников-управленцев, ему как социальному ученому было сложно признать подобное положение дел оптимальным, поскольку он — и притом именно на североамери-

канском примере — хорошо видел недостатки, присущие управлению обществом посредством выборного чиновничества. По его словам, «избираемое *чиновничество* — источник помех для формального рационального хозяйства потому, что это, как правило, не специально обученное профессиональное, а партийное чиновничество, а также и потому, что постоянная вероятность отзыва или непереизбрания на новый срок не дает такому чиновнику сосредоточиться на строгом и систематическом осуществлении управления и правосудия без заботы о возможных последствиях» (Там же).

В своей сравнительной исторической социологии государственного управления Вебер доказывает, что в мире модерна переход к государственному управлению, осуществляемому профессиональными невыборными чиновниками, является исторически неизбежным в силу своей неоспоримой функциональной эффективности. Напротив, в управлении при помощи выборных чиновников Вебер видит фактор, тормозящий движение к бюрократизации и рационализации государственного управления в мире модерна, поскольку обратной стороной этого типа управления является меньшая степень его функциональной системности и инструментальной эффективности. «Состоящее из таких [выборных] чиновников управление в отношении надежности и точности находится *далеко* позади бюрократического управления, где работают назначаемые чиновники» (Там же: 304).

С этой точки зрения тенденции к профессионализации и бюрократизации американской политики Вебер рассматривал как ярко выраженные шаги по направлению к «европеизации» американского модерна. Определенные изменения в этой области наметились уже в эпоху президентства Эндрю Джексона (1829–1837), который ввел сыгравший впоследствии большую роль в развитии институтов и практик государственного управления в США принцип ротации некоторых категорий федеральных чиновников (Cranson, 1975). Однако гораздо большее значение в плане сдвига американского государства в сторону рационализации и бюрократизации Вебер придавал реформе системы государственной службы в США, проведенной в 1883 году в соответствии с Законом Пендлтона о гражданской службе (Pendleton Civil Service Act), который установил порядок замещения отдельных федеральных должностей на основе конкурсных экзаменов, получивший название «системы заслуг» (merit system). «Только современная полная бюрократизация, — комментировал этот процесс Вебер, — дает начало неудержимому развитию рациональной профессиональной аттестации. *Civil Reform Service* постепенно импортирует профессиональное обучение и аттестацию в Америку» (Вебер, 2019: 69). Так обстояло дело до начала Первой мировой войны, которая еще более ускорила этот процесс.

Массовая иммиграция и идентичность американской нации. Наконец, Вебер затрагивает еще один важный круг вопросов, связанных с идентичностью американской нации. А именно он обращает внимание слушателей своего доклада на

то, что поскольку современные американцы — это нация иммигрантов, вопрос качества человеческого материала, из которого она складывается, имеет принципиальное значение для ее будущего. Америка знала несколько волн иммиграции, и на рубеже двух веков она приняла новую, преимущественно из стран Центральной, Восточной и Южной Европы, а также из Китая. В период с 1890 по 1910 год в Америку прибыло порядка 12 млн человек. Эту волну американские демографы отличают от 8 млн иммигрантов, которые прибыли в США в 1850–1880-х годах из Северной и Западной Европы, а также из Китая. Большинство прибывших в США в 1890–1910 годах исповедовали христианство и иудаизм. К 1900 году их удельный вес достиг 84,9% среди всех иммигрантов этой новой волны. Одновременно на Западном побережье США постепенно начинает расти иммиграция японцев, которые оседали преимущественно в Калифорнии. В итоге к 1910 году рабочие-иммигранты составляли примерно половину всех рабочих рук в США (Иванян, 2004: 280, 334).

Вебер в своих рассуждениях об исторических судьбах американского модерна приходит к важному социологическому и культурно-антропологическому выводу о том, что смена волн иммиграции, а значит — и качества человеческого материала, который составит новых американских граждан, будет неизбежно отражаться и на качестве самой американской нации как политико-гражданской общности⁴². Здесь Вебер, по сути дела, выходит еще на одну сквозную тему американского модерна: множественность и вариативность человеческого материала, составляющего американскую нацию и глубокие трансформации ее идентичности под воздействием потоков иммиграции. В условиях, когда «колоссальные масштабы принимает иммиграция нецивилизованных элементов из Восточной Европы», возникает высокая вероятность увеличения той доли новых граждан США, которая уже не будет, подобно прежним поколениям, «ассимилирована посредством усвоения им исторически сложившейся культуры этой страны». Отсюда Вебер делает довольно пессимистический вывод, что это новоприбывшее из Центральной и Восточной Европы «население изменит раз и навсегда облик Соединенных Штатов и постепенно создаст сообщество совершенно иного типа, отличного от великого творения англосаксонского духа» (MWG I/8: 242). Притом что опасения Вебера не оправдались, и новые потоки иммигрантов, прибывшие в США из Европы в первые десятилетия XX века, были довольно успешно ассимилированы, в том числе не в последнюю очередь за счет массового распространения фордистских практик производства и потребления⁴³, а также за счет ограничения мигра-

---

42. Такая постановка вопроса сегодня встречает понимание и в самих США. Например, Майкл Линд в книге «Следующая американская нация» (Lind, 1996) говорит о трех Америках, или американских нациях, — англо-американской (1789–1861), европейско-американской (1875–1957) и мультикультурной (1972–), — сменявших друг друга в потоке исторического становления, начиная со времени появления в Новом Свете белых переселенцев, и предсказывает появление четвертой.

43. См. об этом: Cohen, 2003: 16–18.

ции в 1910-е — 1920-е годы⁴⁴, не отменяет самой значимости поставленной им проблемы.

Сошлемся только на имевшую в свое время большой, хотя и неоднозначный резонанс книгу известного американского ученого Самюэля Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности», посвященную глубоким трансформациям американской национальной и культурной идентичности под влиянием иммиграционных волн на рубеже XX и XXI веков (Хантингтон, 2004). В своей книге Хантингтон развивает мысль о том, что существует базисная американская национальная идентичность, сформированная англо-протестантами. В прошлом иммигранты, пребывавшие в Америке, стремились усвоить эту идентичность, чтобы стать, так сказать, «стопроцентными американцами». Выдвигая предположение о том, что основой американской национальной идентичности является англо-протестантская культура, которая объединяла всех американцев, независимо от их происхождения и цвета кожи, в одну нацию и отличала их от всех прочих наций, Хантингтон доказывает, что в начале XXI века эта идентичность столкнулась с радикальными вызовами. Многие иммигранты новой волны, прежде всего выходцы из стран Латинской Америки, которых в Америке принято именовать «испаноязычными», не только не желают перенимать американскую культурную идентичность, но считают ее архаичной и даже преступной. Среди других вызовов американской национальной идентичности Хантингтон отмечает «популярность доктрин мультикультурализма и диверсификации в интеллектуальных и политических кругах, распространение испанского в качестве второго языка на территории США и испанизация части американского социума, утверждение групповых идентичностей, основанных на понятиях расы, этноса и пола, растущее влияние диаспор, крепнущая приверженность элит космополитизму и транснациональным идентичностям» (Хантингтон, 2004: 16–17). Говоря об этих новых вызовах, Хантингтон выражает свое опасение тем, что если в США не будет проводиться политика прививки новым иммигрантам американских культурных ценностей, то Соединенные Штаты в обозримом будущем ждет незавидная судьба.

---

44. В 1907–1908 гг. было достигнуто «джентльменское соглашение» США с Японией, направленное на ограничение японской иммиграции в США. По этому соглашению число прибывающих в США японцев-иммигрантов было сведено к минимуму, однако в качестве компенсации им разрешили беспрепятственно селиться на Гавайских островах. В 1924 г. в США принимается Закон об иммиграции (Johnson-Reed Immigration Act), направленный на жесткое ограничение иммиграции в США посредством введения целой системы квот. По этому закону, дополненному законом 1929 г., количество иммигрантов, ежегодно прибывающих в США, было ограничено цифрой в 150 тыс. человек. Основой этой системы стала национальная принадлежность иммигрантов — количество въезжающих в США лиц определялось квотой в 2% из числа проживающих в США выходцев из этих стран (Иванян, 2004: 334, 377). Результатом всех этих законодательных мероприятий по ограничению иммиграции стало то, что если в 1910 г. число лиц иностранного рождения составляло в США 14,5% населения, то к 1930 г. оно снизилось до 10,9%. Если с 1900 по 1910 г. число американцев иностранного рождения увеличилось на 3 млн 175 тыс. человек, то с 1920 по 1930 г. — всего на 111 тыс. человек (Лан, 1932: 287). Эти меры привели к известной национальной гомогенизации как населения США, так и американского рабочего класса, ряды которого иммигранты и пополняли в первую очередь.

Таким образом, можно сказать, что веберовская постановка вопроса об американском модерне, требующая при анализе траекторий его потенциального развития внимательного изучения этнокультурного состава населения США и его изменений, находит превосходное подтверждение в контексте современных американских дебатов. Более того, она парадоксальным образом задает актуальные контуры и других дебатов — о схождении или расхождении моделей американского и европейского модерна на перспективу, поскольку сегодня, в отличие от ситуации большей части XX века, население стран Западной Европы и США в значительной степени пополняется за счет массовой иммиграции из стран Азии и Африки. Как в современных США, так и в Великобритании и странах Западной Европы, входящих в ЕС, постоянно растет доля неевропейского населения либо потомков мигрантов из неевропейского мира, хотя удельный процент мусульманского населения в странах Западной Европы и Великобритании на данный момент значительно выше, чем в США. Складывается впечатление, что в наши дни уже страны Европы идут по пути США, начиная во все большей степени состоять из иммигрантских сообществ с отличной от европейской культурной и религиозной идентичностью. В то же самое время недавние беспрецедентные волнения на расовой почве в США, вызванные убийством полицейскими афроамериканца Джорджа Флойда в Миннеаполисе (штат Миннесота), служит ярким свидетельством того, что «расовый вопрос» в США, которому, как мы видели, Вебер придавал большое значение, так и не получил своего удовлетворительного разрешения.

Заключение: пути модерна в Европе и Америке

Вебер был не первым европейским мыслителем, который интересовался различиями европейского и американского модерна и причинами, их породившими. В своем знаменитом труде «Демократия в Америке», который представляет собой первый детальный социологический анализ американского опыта в истории европейской мысли, французский мыслитель Алексис де Токвиль развивал тезис, согласно которому Европе еще только предстояло вступить на путь «американизации», т. е. испытать всю «прелесть» жизни в обществе, построенном на гражданском равноправии его членов (Токвиль называет это начало мира модерна «*égalité des conditions*» — «равенством условий»). Главная структурная особенность модерна, по Токвилю, определялась исторически вариативным сочетанием принципов индивидуальной свободы с принципами гражданско-правового равенства. Согласно Токвилю, исторически на Западе ситуация сложилась так, что благодаря уникальному стечению обстоятельств Америка опередила Европу, над которой довлело бремя давних исторических традиций. Тем не менее, говоря о своих впечатлениях, вынесенных из путешествия по Северной Америке, Токвиль отмечал сходство процессов демократизации гражданско-правового состояния, характерных для Соединенных Штатов и стран Западной Европы. «Когда мысленным взором я обратился к нашему полушарию, — пишет он, — мне показалось, что и здесь

я могу выделить нечто подобное тому, что я наблюдал в Новом Свете. Я видел равенство условий, которое, не достигая здесь, в отличие от Соединенных Штатов, своих крайних пределов, ежедневно приближается к ним. И мне представилось, что такая демократия, которая господствовала в американском обществе, стремительно идет к власти в Европе» (Токвиль, 1992: 27). Поскольку в США процесс демократической революции в силу ряда причин зашел дальше, чем в Европе, Токвиль видел в американском настоящем ближайшее будущее европейских наций. По этой причине он пристально анализирует американскую модель современной демократии, с тем чтобы по возможности извлечь из ее опыта полезные уроки для политической жизни стран Европы и прежде всего его собственного отечества — Франции.

Напротив, гипотеза по поводу будущего западного модерна, предложенная Максом Вебером в начале XX века на основе изучения в том числе и опыта американского модерна, указывает на неизбежность сдвига не только Европы, но и Северной Америки и всего мира в целом в сторону большей рационализации, бюрократизации и механизации повседневной жизни. Эту гипотезу поэтому можно назвать гипотезой «европеизации Северной Америки и всего остального мира»⁴⁵. Выдвигая ее, Вебер как социальный ученый тем самым противопоставляет свою точку зрения взглядам многих своих уважаемых современников и предшественников, которые видели будущее европейского континента в его «американизации». Иными словами, если Алексис де Токвиль, изучая американский опыт, видел в нем картину будущего Европы, то Вебер скорее видел в европейском настоящем, ставшем результатом модернизации европейских обществ старой культуры, картину будущего американского общества.

Таким образом, по поводу различия траекторий модерна в Европе и Америке Вебер выдвигает аргумент, согласно которому Америка — новичок на почве капиталистической модернизации, которому только предстоит пойти по пути, который уже проделали старые европейские общества. В отличие от «старой Европы», «молодая Америка» в XIX веке еще находилась в процессе территориального расширения и внутренней колонизации новых земель, и этот процесс должен был занять какое-то время. Поскольку по большей части уникальные факторы, благоприятствовавшие развитию американского модерна, — изобилие естественных богатств и ресурсов, наличие огромных свободных земель на Западе, а также дефицит рабочей силы, постоянно перетекавшей на свободные земли в поисках лучшей доли, что поддерживало высокую оплату труда в промышленных центрах и побуждало предпринимателей к экономии живого труда и замене его современной машинной техникой, — к началу XX века оказались близки к исчерпанию, Вебер не видел для Америки иных перспектив, кроме перехода на рельсы наби-

---

45. О понятиях «европеизации» и «американизации» в социологическом и политико-полемическом наследии Вебера см.: Loader, Alexander, 1985: 2–3; Mommsen, 2000; Offe, 2005; Roth, 2005; Scaff, 2011: 60–66.

рающей темп «европеизации»⁴⁶. Несмотря на то что США смогут еще какое-то время извлекать пользу из своего особого пути развития, в конечном счете им будет суждено вступить на тот же путь рационализации и бюрократизации общественной и частной жизни, по которому несколькими веками ранее пошла «старая Европа». Детально тему о том, как могла бы происходить эта «европеизация», он не развивает, но в то же самое время обозначает пунктиром несколько линий, по которым ей суждено пойти.

В частности, Вебер придавал огромное значение тем изменениям в социально-политической жизни американского общества, ускорению которых сильно способствовала Первая мировая война и вступление в нее Соединенных Штатов. Именно этим судьбоносным событиям всемирно-исторического значения было суждено толкнуть политическую систему США на рельсы европеизации. «Последствием этой войны для Америки будет то, что она выйдет из нее государством с большой армией, с офицерским корпусом и с бюрократией» (Вебер, 2003в [1918]: 308). Отсюда Вебер делал вывод, что «война будет иметь последствием для Америки развитие бюрократии, а тем самым — и шансы продвижения для университетских кругов; само собой разумеется, вскоре проявится и то, что война приведет к европеизации Америки как минимум в таком же темпе, в каком осуществлялась американизация Европы» (Там же: 309).

Оценивая результаты реформы гражданской службы в США и воздействие на государственное управление в этой стране Первой мировой войны, Вебер в 1918 году подчеркивал: «Уже очень давно наступила пора, когда и Америка больше не может управляться дилетантами. С колоссальной скоростью там распространяется профессиональное чиновничество. Вводятся профессиональные экзамены. Формально и обязательно в первую очередь только для определенных, по большей части, технически чиновников, но этот процесс стремительно распространяется и дальше. Теперь насчитывается уже приблизительно сто тысяч чиновников, назначаемых президентом, которые могут занять должности лишь после успешной сдачи экзаменов. Тем самым сделан первый и важнейший шаг к перестройке старой демократии» (Там же: 307).

В последующем дополнительные импульсы вмешательства государства в жизнь общества и усиления бюрократического управления как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов были даны политикой «Нового курса» президента Ф. Д. Рузвельта, затем — Второй мировой и холодной войной, которые привели к появлению в США одних из самых крупных в мире вооруженных сил, профессиональной системы секретных служб и тесно сращенного с государством «военно-промышленного комплекса», рождение которого зафиксировало пророческое предостережение президента Дуайта Эйзенхауэра, сделанное в конце

---

46. «Очевидно, — пишет Клаус Оффе, — что в наблюдениях Вебера явно преобладал диагноз европеизации Америки, т. е. запоздавшего, но в конечном счете неизбежного усвоения Америкой европейских социальных условий. Растущая эмиграция в США, казалось, не оставляла иного шанса на то, что Америка сможет избежать бедствий западного рационализма» (Offe, 2005: 50).

1950-х годов, а также амбициозными социальными программами администраций Дж. Ф. Кеннеди и Л. Джонсона в 1960-е годы, ориентированными на достижение «новых рубежей» и создание в США «великого общества»⁴⁷. Даже неолиберальные реформы республиканской администрации Рональда Рейгана (1981–1989) не смогли в этом плане повернуть «колесо американской истории» вспять.

Стоит оговориться, что тезис об «европеизации» Америки не означает, что от внимания Вебера совершенно ускользает противоположный процесс, а именно «американизация» Европы, который он связывает с такими тенденциями, как демократизация публичной сферы, распад традиционной классовой структуры, выход на первый план культурно мотивированных «стилей жизни» вместо традиционного классового деления в качестве ведущего способа социальной дифференциации, а также со стремлением к избавлению от старых традиций под давлением капиталистической логики погони за максимальной прибылью (Scaff, 2011: 66). В любом случае эта потенциальная траектория развития европейского модерна явно представлялась ему менее значимой по сравнению с гипотезой об универсальном процессе рационализации, берущем свое начало в странах Западной Европы в раннее Новое время. Не случайно поэтому во введении 1920 года к своему циклу работ по социологии религии Вебер предпочитает ставить во главу угла уже не «европеизацию» или «американизацию», и даже не «рациональный промышленный капитализм западного типа», но говорит «о специфическом „рационализме“, характеризующем западную культуру». Тем самым, по Веберу, его исследовательская постановка вопроса «вновь сводится к тому, чтобы определить *своеобразие* западного, а внутри него современного западного рационализма и объяснить его развитие» (Вебер, 1990а [1920]: 55).

С этой точки зрения доклад Вебера на конгрессе в Сент-Луисе, посвященный специфике европейского модерна в его отличии от американского, представляет собой необычайно важную веху на пути к постановке более общей проблемы: почему «именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались... в направлении, получившем *универсальное значение*» (Вебер, 1990а [1920]: 44)⁴⁸. Именно в рамках этой уточненной и существенно расширенной теоретической системы координат Вебер в поздний период своего творчества будет ставить и решать вопросы о специфике становления и развития модерна в Западной Европе и Северной Америке. Отсюда же проистекает, вероятно, и известная смена акцентов в работах и выступлениях Вебера 1918–1920 годов там, где речь идет о сравнении европейского и американского модерна, с вопросов этико-методического отношения к жизни, поощряемого протестантским этосом, и рационального промышленного капитализма, на проблемы рационализации и бю-

---

47. «The New Frontiers» — программный лозунг демократической администрации Дж. Ф. Кеннеди (1961–1963); «The Great Society» — программный лозунг демократической администрации Линдона Джонсона (1963–1968).

48. Как доказывает П. Гош, у Вебера «эта точка зрения станет нормативной после 1910 г.» (Ghosh, 2005b: 380).

рокрализации американской общественной жизни как симптомы ее движения в сторону «европеизации».

Произведения Макса Вебера

Произведения Макса Вебера, опубликованные в Полном собрании его сочинений, цитируются и указываются по следующим изданиям:

MWG I/5,1 — *Weber M.* (2000). Börsenwesen: Schriften und Reden 1893–1898 / Hrsg. K. Borchardt, C. Meyer-Stoll. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).

MWG I/8 — *Weber M.* (1998). Wirtschaft, Staat und Sozialpolitik: Schriften und Reden 1900–1912 / Hrsg. W. Schluchter, P. Kurth, B. Morgenbrod. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).

MWG I/9 — *Weber M.* (2014). Asketischer Protestantismus und Kapitalismus: Schriften und Reden 1904–1911 / Hrsg. W. Schluchter, U. Bube. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).

MWG I/18 — *Weber M.* (2014). Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Die protestantischen Sekten und der Geist des Kapitalismus: Schriften 1904–1920 / Hrsg. W. Schluchter, U. Bube). Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).

Литература

Вебер М. (1990а [1920]). Предварительные замечания / Пер. с нем. М. И. Левиной // *Вебер М. Избранные произведения.* М.: Прогресс. С. 44–59.

Вебер М. (1990б [1906/1920]). Протестантские секты и дух капитализма / Пер. с нем. М. И. Левиной // *Вебер М. Избранные произведения.* М.: Прогресс. С. 273–306.

Вебер М. (2001 [1923]). История хозяйства // *Вебер М. История хозяйства.* Город. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле. С. 7–332.

Вебер М. (2003а [1895]). Национальное государство и народнохозяйственная политика // *Вебер М. Политические работы (1895–1919)* / Пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 7–39.

Вебер М. (2003б [1918]). Парламент и правительство в новой Германии // *Вебер М. Политические работы (1895–1919)* / Пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 107–299.

Вебер М. (2003в [1918]). Социализм // *Вебер М. Политические работы (1895–1919)* / Пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 300–342.

Вебер М. (2016). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1: Социология / Пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. М.: ВШЭ.

Вебер М. (2017). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 2: Общности / Пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. М.: ВШЭ.

Вебер М. (2019). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 4: Господство / Пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. М.: ВШЭ.

- Вебер М. (2007). Жизнь и творчество Макса Вебера / Пер. с нем. М. И. Левиной. М.: РОССПЭН.
- Зомбарт В. (2005 [1906]). Почему в Соединенных Штатах нет социализма? // *Зомбарт В. Избранные работы*. М.: Территория будущего. С. 213–320.
- Иванян Э. А. (2004). История США. М.: Дрофа.
- Каубе Ю. (2016). Макс Вебер: жизнь на рубеже веков / Пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: Дело.
- Лан В. И. (1932). Классы и партии в САСШ. М.: Партиздат.
- Кривогуз И. М., Коган М. А., Мнухина Р. С., Ковалев И. В. (1959). Очерки истории Германии. М.: Учпедгиз.
- Риггс Ф. (1995). Сравнительная оценка президентской формы правления // *Сравнительная социология*. М.: Academia. С. 99–156.
- Тённис Ф. (2002 [1887]). Общность и общество: основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль.
- Токвиль А. (1992). Демократия в Америке / Пер. с франц. В. П. Олейника и др. М.: Прогресс.
- Хантингтон С. (2004). Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ.
- Cohen D. (2003). *Our Modern Times: The New Nature of Capitalism in an Information Age*. Cambridge: MIT Press.
- Crenson M. A. (1975). *The Federal Machine: Beginnings of Bureaucracy and Politics in Jacksonian America*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Debois W. E. B. (1906). Die Negerfarge in den Vereinigten Staaten // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. Bd. 22. S. 31–79.
- Ghosh P. (2005a). Max Weber on the «Rural Community» // *History of European Ideas*. Vol. 31. № 3. P. 327–366.
- Ghosh P. (2005b). Not the Protestant Ethic? Max Weber at St. Louis // *History of European Ideas*. Vol. 31. № 3. P. 367–407.
- Ghosh P. (2008). Capitalism and Herrschaft: Max Weber at St. Lois // *Ghosh P. A Historian Reads Max Weber: Essays on Protestant Ethic*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 75–118.
- Ghosh P. (2016). Max Weber and the literati // *Ghosh P. Max Weber in Context: Essays in the History of German Ideas c. 1870–1930*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 197–249.
- Gordon R. J. (2016). *The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War*. Princeton: Princeton University Press.
- Hubinger G. (2019). *Max Weber: Stationen und Impulse einer intellektuellen Biographie*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Joas H. (1992). Amerikanischer Pragmatismus und deutsches Denken. Zur Geschichte eines Mißverständnisses // *Joas H. Pragmatismus und Gesellschaftstheorie*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. S. 114–145.

- König R.* (1955). Die Begriffe Gemeinschaft und Gesellschaft bei Ferdinand Tönnies // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Bd. 7. S. 248–420.
- Lind M.* (1996). *The Next American Nation: The New Nationalism and the Fourth American Revolution*. N.Y.: The Free Press.
- Loader C., Alexander J. C.* (1985). Max Weber and Sects in North America: An Alternative Path toward Rationalization // *Sociological Theory*. Vol. 3. № 1. P. 1–6.
- Mommsen W. J.* (1959). *Max Weber und die deutsche Politik, 1890–1920*. Tübingen: J. C. B. Mohr, P. Siebeck.
- Mommsen W. J.* (2000). Max Weber in America // *American Scholar*. Vol. 69. № 3. P. 103–109.
- Offe C.* (2005). *Reflections on America: Tocqueville, Weber and Adorno in the United States*. Cambridge: Polity Press.
- Roth G.* (2005). Transatlantic Connections: A Cosmopolitan Context for Max and Marianne Weber's New York Visit 1904 // *Max Weber Studies*. Vol. 5. № 1. P. 83–114.
- Scaff L. A.* (1998). The «Cool Objectivity of Sociation»: Max Weber and Marianne Weber in America // *History of the Human Sciences*. 1998. Vol. 11. № 2. P. 61–82.
- Scaff L. A.* (2011). *Max Weber in America*. Princeton: Princeton University Press.
- Scott J. C.* (1976). *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Princeton University Press.
- Spenkuch H.* (2019). *Preußen — eine besondere Geschichte: Staat, Wirtschaft, Gesellschaft und Kultur 1648–1947*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Weber M.* (1984 [1926]). *Max Weber: Ein Lebensbild*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Weber M.* (1906). The Relations of Rural Community to Other Branches of Social Science // *Rogers H. J.* (ed.). *Congress of Arts and Science: Universal Exposition, St. Louis, 1904*. Vol. 7. Boston: Houghton, Millin and Co. P. 725–746.

Max Weber in America: On the History of His St. Louis's Paper

Timofey Dmitriev

Associate Professor, Faculty of Humanities, National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: tdmitriev@hse.ru

The paper highlights the context and the main points of the speech given by Max Weber at the International Congress of Arts and Science in St. Louis in September, 1904. It analyzes Weber's views on the dynamics of social change as presented by the German classic in the shape of the comparative historical sociology of the European and American versions of modernity. The first part of the article covers the background and the most significant episodes of the trip to the United States undertaken by Max Weber and his wife Marianne. The second part of the article elucidates the main points of Weber's speech in St. Louis. The third part examines the observations

and conclusions of the specifics of American modernity made by Weber through his direct acquaintance with life in the United States. In conclusion, the paper proposes a brief analysis of Weber's contribution to the development of historical sociology's ideas about the nature and pathways of Western modernity.

Keywords: Max Weber, rural constitution, tradition, capitalism, modernity, rationalism, Europeanization, Americanization, comparative-historical sociology

References

- Cohen D. (2003) *Our Modern Times: The New Nature of Capitalism in an Information Age*, Cambridge: MIT Press.
- Crenson M. A. (1975) *The Federal Machine: Beginnings of Bureaucracy and Politics in Jacksonian America*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Debois W. E. B. (1906) Die Negerfarge in den Vereinigten Staaten. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, vol. 22, pp. 31–79.
- Ghosh P. (2005a) Max Weber on the "Rural Community". *History of European Ideas*, vol. 31, no 3, pp. 327–366.
- Ghosh P. (2005b) Not the Protestant Ethic? Max Weber at St. Louis. *History of European Ideas*, vol. 31, no 3, pp. 367–407.
- Ghosh P. (2008) Capitalism and Herrschaft: Max Weber at St. Lois. *A Historian Reads Max Weber: Essays on Protestant Ethic*, Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, pp. 75–118.
- Ghosh P. (2016) Max Weber and the literati. *Max Weber in Context: Essays in the History of German Ideas c. 1870–1930*, Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, pp. 197–249.
- Gordon R. J. (2016) *The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War*, Princeton: Princeton University Press.
- Hubinger G. (2019) *Max Weber: Stationen und Impulse einer intellektuellen Biographie*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Huntington S. P. (2004) *Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti* [Who are We? The Challenges to America's National Identity], Moscow: AST.
- Ivanyan E. (2004) *Istorija SShA* [History of the USA], Moscow: Drofa.
- Joas H. (1992) Amerikanischer Pragmatismus und deutsches Denken. *Zur Geschichte eines Mißverständnisses. Pragmatismus und Gesellschaftstheorie*, Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 114–145.
- Kaube J. (2016) *Maks Weber: zhizn' na rubezhe vekov* [Max Weber: Life at the Turn of the Century], Moscow: Delo.
- König R. (1955) Die Begriffe Gemeinschaft und Gesellschaft bei Ferdinand Tönnies. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, vol. 7, pp. 248–420.
- Krivoguz M., Kogan M., Mnukhina R., Kovalev I. (1959) *Ocherki istorii Germanii* [Essays on German History], M.: Uchpedgiz.
- Lan V. I. (1932) *Klassy i partii v SASSh* [Classes and Parties in the USA], Moscow: Partizdat.
- Lind M. (1996) *The Next American Nation: The New Nationalism and the Fourth American Revolution*, New York: The Free Press.
- Loader C., Alexander J. C. (1985) Max Weber and Sects in North America: An Alternative Path toward Rationalization. *Sociological Theory*, vol. 3, no 1, pp. 1–6.
- Mommsen W. J. (1959) *Max Weber und die deutsche Politik*, Tübingen: J. C. B. Mohr.
- Mommsen W. J. (2000) Max Weber in America. *American Scholar*, vol. 69, no 3, pp. 103–109.
- Offe C. (2005) *Reflections on America: Tocqueville, Weber and Adorno in the United States*, Cambridge: Polity Press.
- Riggs F. (1995) Sravnitel'naja ocenka prezidentskoj formy pravlenija [Presidentialism in Comparative Perspective]. *Sravnitel'naja sociologija* [Comparative Sociology], Moscow: Academia, pp. 99–156.
- Roth G. (2005) Transatlantic Connections: A Cosmopolitan Context for Max and Marianne Weber's New York Visit 1904. *Max Weber Studies*, vol. 5, no 1, pp. 83–114.
- Scaff L. A. (1998) The "Cool Objectivity of Sociation": Max Weber and Marianne Weber in America. *History of the Human Sciences*, vol. 11, no 2, pp. 61–82.

- Scaff L. A. (2011) *Max Weber in America*, Princeton: Princeton University Press.
- Scott J. C. (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven: Princeton University Press.
- Sombart V. (2005 [1906]) Pochemu v Soedinennyh Shtatah net socializma? [Why there is no Socialism in the United States?]. *Izbrannye raboty* [Selected Works], Moscow: Territoria budushhego, pp. 213–320.
- Spenkuch H. (2019) *Preußen — eine besondere Geschichte: Staat, Wirtschaft, Gesellschaft und Kultur 1648–1947*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Tocqueville A. de (1992) *Demokratija v Amerike* [Democracy in America], Moscow: Progress.
- Weber M. (1984 [1926]) *Max Weber: Ein Lebensbild*, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Weber M. (1906) The Relations of Rural Community to Other Branches of Social Science. *Congress of Arts and Science, Universal Exposition, St. Louis, 1904, Vol. 7* (ed. H. J. Rogers), Boston: Houghton, Millin and Co, pp. 725–746.
- Weber M. (1990 [1920]) Predvaritel'nye zamechanija [Preliminary Observations]. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], Moscow: Progress, pp. 44–60.
- Weber M. (1990 [1906/1920]) Protestantskie sekty i duh kapitalizma [Protestant Sects and the Spirit of Capitalism]. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], Moscow: Progress, pp. 273–306.
- Weber M. (1998) *Wirtschaft, Staat und Sozialpolitik: Schriften und Reden 1900–1912*, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Weber M. (2000) *Börsenwesen: Schriften und Reden 1893–1898*, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Weber M. (2003 [1895]) Nacional'noe gosudarstvo i narodnohozjajstvennaja politika [The Nation State and Economic Policy]. *Politicheskie raboty (1895–1919)* [Political Works, 1895–1919], Moscow: Praxis, pp. 7–39.
- Weber M. (2003 [1918]) Parlament i pravitel'stvo v novoj Germanii [Parliament and Government in the New Germany]. *Politicheskie raboty (1895–1919)* [Political Works, 1895–1919], Moscow: Praxis, pp. 107–299.
- Weber M. (2003 [1918]) Socializm [Socialism]. *Politicheskie raboty (1895–1919)* [Political Works, 1895–1919], Moscow: Praxis, pp. 300–342.
- Weber M. (2007) *Zhizn' i tvorcestvo Maksa Vebera*, Moscow: ROSSPEN.
- Weber M. (2014) *Asketischer Protestantismus und Kapitalismus: Schriften und Reden 1904–1911*, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Weber M. (2014) *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Die protestantischen Sekten und der Geist des Kapitalismus: Schriften 1904–1920*, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).
- Weber M. (2016) *Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii. Vol. 1: Sociologija* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology, Vol. 1: Sociology], Moscow: HSE.
- Weber M. (2017) *Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii. Vol. 2: Obshhnosti* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology, Vol. 2: Communities], Moscow: HSE.
- Weber M. (2019) *Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii. Vol. 4: Gospodstvo* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology, Vol. 4: Domination], Moscow: HSE.